
Виктория Аскарова
Тысяча жизней без тебя
Роман

Виктория Аскарова

Тысяча жизней без тебя

«Автор»
2026

Аскарова В. С.

Тысяча жизней без тебя / В. С. Аскарова — «Автор», 2026

Когда-то смерть не существовала. Люди не знали старости, болезней и страха потерять тех, кого любят.В этом совершенном мире появились Саэрон и Верона — первые мужчина и женщина, созданные для вечной жизни. Казалось, ничто не способно разрушить их счастье. Но однажды между ними встали ложь, ревность и гордыня.Они расстались, даже не подозревая, что их решение навсегда изменит судьбу человечества.Проходили столетия. Менялись эпохи, рождались и исчезали цивилизации. Саэрон и Верона проживали новые жизни, забывая свои прежние имена, лица и обещания.Но можно ли навсегда забыть того, кого однажды полюбила твоя душа?За бесконечным кругом рождений и смертей скрывается древняя тайна. И те, кто управляет человеческими судьбами, готовы на всё, лишь бы она никогда не была раскрыта.«Тысяча жизней без тебя» — философский роман о любви, свободе выбора, бессмертии и цене ошибок, последствия которых способны пережить тысячелетия.

© Аскарова В. С., 2026
© Автор, 2026

Виктория Аскарова
Тысяча жизней без тебя

Аскарова Виктория
ТЫСЯЧА ЖИЗНЕЙ
БЕЗ ТЕБЯ
Роман

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Последнее утро вечности
Глава 1. То, чему не было имени
Глава 2. Чужое сердце
Глава 3. Первый шёпот тьмы
Глава 4. Семена лжи
Глава 5. Гордыня
Глава 6. Разделённая вечность
Глава 7. Первое забвение
Глава 8. Невидимые властители
Глава 9. По разные стороны судьбы
Глава 10. Цепи бессмертия
Глава 11. Пламя невиновных
Глава 12. Хранители забытой истины
Глава 13. Цена истины
Глава 14. Закон сильных
Глава 15. Шёлковые оковы
Глава 16. Семь ступеней покаяния
Глава 17. Сквозь века
Глава 18. Возвращение к вечности

ПРОЛОГ

Последнее утро вечности

В те времена слово «навсегда» не было обещанием. Оно было самой жизнью.

Ещё не существовало смерти.

Не было старости, болезней, войн и человеческого страха перед завтрашним днём. Никто не знал, что такое потеря, потому что никто и никогда ничего не терял.

Время текло спокойно, подобно реке, не имеющей ни начала, ни конца. Солнце поднималось над землёй, озаряя её золотистыми лучами, а затем уступало место луне, рассыпавшей по небу тысячи звёзд.

Но ни один закат не означал окончания чего-либо.

Каждое утро было продолжением вечности.

И посреди этого бесконечного мира находился сад.

Он раскинулся между высокими горами и прозрачными озёрами, окружённый лесами, каких впоследствии не увидит ни один смертный. Деревья здесь не знали увядания. Цветы распускались не потому, что наступала весна, а потому, что сама жизнь стремилась проявить свою красоту.

Ветви деревьев склонялись над чистейшими ручьями. Птицы свободно садились на плечи гуляющим среди зелени существам. Дикие звери не боялись друг друга и не знали необходимости убивать.

В самом сердце сада росло необыкновенное дерево.

Из одного корня поднимались два могучих ствола, переплетённых между собой. Их кроны соединялись высоко над землёй, образуя единый зелёный свод.

Это дерево было старше всего живого в саду.

А рядом с ним часто сидел Эхор.

Он появился задолго до того, как первые человеческие глаза увидели свет.

Бог создал его хранителем сада, наделив разумом, свободой и удивительной способностью понимать язык всего живого.

Эхор был прекрасен.

Его длинные серебристые волосы напоминали лунный свет, а глаза меняли оттенок в зависимости от освещения — от спокойного серого до цвета глубокого ночного неба. Его движения были бесшумны, а голос обладал странным свойством: даже самые беспокойные создания затихали, услышав его.

Он знал каждую тропинку сада, каждое дерево и каждый источник.

И всё же иногда Эхору казалось, что среди этого совершенства чего-то недостаёт.

Он не мог объяснить, чего именно.

Однажды Бог позвал его к дереву с двумя стволами. — Эхор, — произнёс Он.

Хранитель поднялся и склонил голову.

— Я слушаю Тебя, Создатель.

— Сегодня ты станешь свидетелем нового начала.

— Разве Твоё творение ещё не завершено?

Бог улыбнулся.

— Творение не заканчивается, Эхор. Оно продолжается всякий раз, когда появляется новая жизнь.

Эхор посмотрел на землю перед собой.

В лучах утреннего солнца колыхалась высокая трава. Лёгкий ветер касался листьев. Казалось, ничто не предвещало перемен.

Но затем воздух наполнился светом.

Он не ослеплял и не обжигал. Напротив, от него исходило удивительное спокойствие.

Свет медленно опустился на землю, разделившись на два сияющих потока.

И перед Богом появились двое.

Мужчина и женщина.

Они открыли глаза одновременно.

Первым, что увидел мужчина, было лицо женщины.

Первым, что увидела женщина, было лицо мужчины.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, словно пытались понять, почему присутствие незнакомого существа вдруг показалось им таким естественным.

Мужчина осторожно протянул руку.

Женщина посмотрела на неё, затем улыбнулась и вложила в неё свою ладонь.

Они ещё не знали, что такое любовь.

Но уже чувствовали её.

Эхор наблюдал за ними с искренним восхищением.

Он видел появление растений, зверей и птиц. Но никогда прежде не встречал существ, столь похожих друг на друга своей природой и столь различных внешне.

Бог приблизился к ним.

— Дети Мои, — произнёс Он, — Я даровал вам жизнь.

Они повернулись к Нему.

— Кто мы? — спросила женщина.

— Вы первые из тех, кому предстоит однажды населить этот мир.

— А почему нас двое? — поинтересовался мужчина.

Бог посмотрел на их соединённые руки.

— Потому что Я пожелал, чтобы вы познали радость быть вместе. Но каждый из вас обладает собственной душой, собственной волей и собственным разумом.

Он коснулся плеча мужчины, затем женщины.

— Вы равны передо Мной. Ни один из вас не создан господствовать над другим. Никто не лучше и не выше. Каждый достоин любви, уважения и свободы.

Женщина задумчиво посмотрела на мужчину. — Значит, мы одинаковые?

— Нет, — мягко ответил Бог. — Равенство не означает одинаковости. Вы можете мыслить по-разному, желать разного, смотреть на мир собственными глазами. Но различия ваши не делают одного важнее другого.

Мужчина улыбнулся.

— А что нам делать?

— Жить. Познавать этот мир. Радоваться ему. Созидать. И самое главное — научиться беречь то, что вам даровано.

— А как нас зовут? — спросила женщина.

Бог протянул к ним руки.

— Ты — Саэрон.

Мужчина повторил своё имя, будто пробуя его на вкус.

— Саэрон...

— А ты — Верона.

Женщина улыбнулась.

— Верона.

Саэрон повернулся к ней.

— Верона, — произнёс он.

И она рассмеялась.

Это был чистый, звонкий смех, от которого Эхор невольно улыбнулся.

— Саэрон, — ответила она.

Так впервые прозвучали два имени, которым суждено было пережить тысячелетия, хотя сами их обладатели однажды забудут даже собственное происхождение.

С того дня сад изменился.

Не потому, что стал прекраснее. Казалось, прекраснее ему уже некуда было становиться.

Но теперь в нём звучали голоса.

Саэрон и Верона оказались удивительно любознательными.

Они задавали бесконечные вопросы, порой настолько неожиданные, что даже Эхор, знавший почти всё о саде, не всегда находил ответы.

— Почему вода не может стоять на месте? — спросила однажды Верона, наблюдая за ручьём.

— Может, — ответил Эхор. — Посмотри на озеро.

— Но даже в озере она движется, когда дует ветер. Почему?

Эхор задумался.

Саэрон, сидевший на большом камне, рассмеялся.

— Потому что ей скучно!

Верона обернулась.

— Воде?

— Конечно! Я бы тоже не захотел целую вечность сидеть на одном месте. — Ты и сейчас не можешь усидеть спокойно, — заметила она.

— А ты задаёшь слишком много вопросов.

— Разве это плохо?

— Нет. Просто иногда я не успеваю придумать ответ.

Верона засмеялась и плеснула в него водой.

Саэрон вскочил с камня.

— Ах вот как!

Через мгновение они уже носились друг за другом вдоль ручья, поднимая целые облака прозрачных брызг.

Эхор смотрел на них с улыбкой.

Он ещё не понимал, почему ему так приятно наблюдать за их счастьем.

Впрочем, вскоре они стали проводить вместе почти всё время.

Эхор показывал им тайные уголки сада, рассказывал о растениях, учил различать голоса птиц, знакомил с животными, обитавшими в дальних долинах.

Саэрон особенно любил подниматься на высокие скалы.

Оттуда открывался вид на огромный мир, простиравшийся за пределами сада.

Иногда он подолгу смотрел вдаль.

— Что там? — спрашивал он.

— Земли, которых ты ещё не видел, — отвечал Эхор.

— А можно туда отправиться?

— Конечно. — Тогда однажды мы отправимся туда все вместе!

Верона, сидевшая рядом, улыбалась.

— И что ты собираешься там искать?

— Не знаю.

— Значит, ты хочешь отправиться туда, сам не зная зачем?

— Именно!

Она качала головой.

— Ты удивительный, Саэрон.

— Это хорошо или плохо?

— Пока не решила.

Они смеялись.

Эхор тоже смеялся вместе с ними.

И в те дни его дружба была искренней.

Проходило время.

Саэрон и Верона всё лучше узнавали друг друга.

Они научились понимать настроение другого по одному взгляду.

Когда Верона грустила, Саэрон никогда не требовал объяснений. Он просто садился рядом, дожидаясь, пока она сама захочет заговорить.

Когда Саэрон сердился из-за неудачи, Верона не высмеивала его. Она терпеливо помогала разобраться в том, что произошло.

Они могли спорить.

Однажды Саэрон захотел построить небольшое убежище у озера, чтобы наблюдать по ночам за звёздами.

Верона предложила сделать его среди деревьев.

— Оттуда лучше видно небо, — объяснила она.

— Но у озера слышно воду.

— А среди деревьев поют ночные птицы.

Они долго доказывали друг другу преимущества выбранного места.

Наконец Саэрон развёл руками.

— Хорошо. Построим два!

— Зачем два, если можно одно?

— Тогда пусть оно будет между озером и деревьями.

Верона посмотрела на него и улыбнулась.

— Вот теперь ты говоришь разумные вещи.

Позднее Эхор часто вспоминал этот разговор.

Тогда он ещё не понимал, насколько важным было то, что Саэрон и Верона умели уступать друг другу, не чувствуя себя побеждёнными.

Однажды вечером они сидели под деревом с двумя стволами.

Солнце медленно опускалось за горы.

Верона прислонилась к плечу Саэрона. — Как ты думаешь, мы всегда будем вместе?

Саэрон посмотрел на неё с удивлением.

— А почему нет?

— Не знаю. Просто подумала.

— Разве что однажды ты решишь отправиться в путешествие без меня.

Она подняла голову.

— А если решу?

Саэрон улыбнулся.

— Я буду ждать твоего возвращения.

— А если не вернусь?

Он задумался.

— Тогда отправлюсь искать тебя.

— Даже если буду очень далеко?

— Даже если за самыми высокими горами.

— А если за морем?

— Научусь пересекать моря.

Верона рассмеялась.

— А если на другой стороне мира?

Саэрон взял её руку.

— Тогда мне придётся обойти весь мир.

— И ты не устанешь?

— Наверное, устану. — А потом?

— Отдохну и продолжу искать.

Она долго смотрела ему в глаза.

— Зачем?

Саэрон удивился.

— Потому что ты мне нужна.

Верона улыбнулась и снова положила голову ему на плечо.

— И ты мне.

Они замолчали.

Неподалёку, среди густых ветвей, стоял Эхор.

Он случайно услышал их разговор.

И впервые в его душе возникло странное чувство.

Не гнев.

Не ненависть.

Скорее тихая, почти незаметная боль.

«Потому что ты мне нужна».

Эхор повторил эти слова про себя.

Он никогда прежде не говорил никому подобного.

И никто никогда не говорил этого ему.

Конечно, Саэрон и Верона любили его. Они радовались его появлению, приглашали вместе гулять, спрашивали совета.

Но между ними существовало нечто, чего Эхор не мог постичь.

Они могли молчать часами и всё равно понимать друг друга.

Могли смеяться над тем, что ему казалось совершенно обыкновенным.

Иногда один из них смотрел на другого — и Эхор чувствовал, что в этот миг весь остальной мир словно переставал для них существовать.

Раньше он не обращал на это внимания.

Теперь же впервые за всё время своего существования почувствовал себя лишним.

На следующее утро Эхор пришёл к Богу.

Создатель находился у небольшого источника.

Он сидел на камне и наблюдал, как вода пробивается из-под земли.

— Ты печален, Эхор, — произнёс Он, не оборачиваясь.

Хранитель остановился.

— От Тебя ничего нельзя скрыть.

— Тебе и не нужно ничего скрывать.

Эхор сел рядом.

Некоторое время они молчали.

— Скажи, Отец, — наконец спросил он, — почему Ты создал их именно такими?

— Какими?

— Нуждающимися друг в друге.

Бог посмотрел на него.

— Разве они кажутся тебе беспомощными?

— Нет. Напротив. Каждый из них способен многое сделать самостоятельно.

— Тогда почему ты решил, что они нуждаются друг в друге из-за собственной слабости?

Эхор задумался.

— Потому что они постоянно ищут общества друг друга. Даже когда вокруг столько прекрасного.

— Они выбирают быть вместе, Эхор. Это не одно и то же, что быть неспособными жить порознь.

— Но почему?

— Потому что любовь — это не цепь, удерживающая одного возле другого. Это свобода возвращаться к тому, кто дорог твоему сердцу.

Эхор опустил глаза.

— А что, если никто не захочет возвращаться ко мне?

Бог долго молчал.

— Тебе кажется, что они любят тебя меньше, потому что любят друг друга иначе?

Эхор кивнул.

— Раньше этот сад принадлежал только мне. Я знал каждый его уголок. Ты разговаривал со мной. Я никогда не чувствовал себя одиноким.

— А теперь? — Теперь даже рядом с ними я иногда чувствую себя один.

Бог положил руку ему на плечо.

— Любовь не становится меньше, когда ею делятся. Но тот, кто начинает измерять её и сравнивать, однажды может перестать замечать ту любовь, которая уже ему дана.

Эхор поднял взгляд.

— Значит, я должен радоваться их счастью?

— Ты не обязан притворяться счастливым, когда тебе больно. Но ты можешь понять свою боль, не превращая её в чужое несчастье.

Эхор долго смотрел на источник.

— А почему Ты не создал для меня кого-то такого же?

— Ты тоже способен любить, Эхор. Но не всякая любовь должна быть похожа на любовь Саэрона и Вероны. Твой путь не обязан повторять их путь.

Хранитель не ответил.

Впервые слова Создателя не принесли ему полного успокоения.

Он понимал их смысл.

Но сердце его желало услышать совсем другое.

Несколько дней спустя произошёл случай, который Эхор запомнил навсегда.

Саэрон и Верона решили устроить праздник.

Повода не было.

Просто однажды Верона предложила собрать самые красивые цветы сада, украсить ими берег озера и пригласить всех, кого они любили.

Эхор помогал им с самого утра.

Он принёс серебристые цветы с дальних склонов, развесил между деревьями гирлянды из тонких светящихся листьев и даже уговорил певчих птиц собраться возле озера к закату.

Верона была счастлива.

— Эхор, без тебя у нас бы ничего не получилось!

Она обняла его.

Он улыбнулся.

— Вы и сами прекрасно справились бы.

— Нет, — возразил Саэрон. — Ты наш друг. Какой же праздник без тебя?

Эхору стало тепло от этих слов.

На мгновение вчерашняя печаль показалась ему глупой и постыдной.

Он действительно был нужен им.

Они любили его.

Разве этого недостаточно?

Вечером, когда солнце почти скрылось за горами, Саэрон попросил Верону закрыть глаза.

— Зачем? — удивилась она.

— Я хочу кое-что тебе показать. — Ты снова придумал какую-то странность?

— Возможно.

Она послушно закрыла глаза.

Саэрон достал из-за спины небольшой предмет, завёрнутый в широкий зелёный лист.

— Теперь смотри.

Верона развернула подарок.

На её ладони лежала маленькая фигурка дерева.

Саэрон вырезал её из дерева, упавшего после сильного ветра. У фигурки были два переплетённых ствола и одна общая крона.

Работа была неровной. На одном стволе осталась небольшая царапина, а ветви получились не совсем симметричными.

Но Верона смотрела на подарок так, словно ничего прекраснее в мире не существовало.

— Это наше дерево? — спросила она.

Саэрон смущённо улыбнулся.

— Я пытался сделать похожим.

— Оно чудесное.

— Только один ствол немного кривой.

— Зато он настоящий.

Верона прижала фигурку к груди.

— Я буду хранить её всегда.

— Всегда? — переспросил Саэрон.

— Всю вечность.

И она поцеловала его.

Нежно, просто, без смущения.

Эхор стоял всего в нескольких шагах.

Он видел, сколько старания Саэрон вложил в этот подарок.

Видел слёзы радости на глазах Вероны.

И снова почувствовал ту самую боль.

Только теперь она была гораздо сильнее.

Он ведь принёс к празднику самые редкие цветы. Украшал берег, собирал птиц, трудился с самого утра.

Но Верона смотрела на маленькую неровную фигурку так, как никогда не смотрела на его прекрасные подарки.

Почему?

Эхор незаметно отступил в тень.

Почему всё, что делает Саэрон, кажется ей прекраснее?

Он посмотрел на мужчину.

Саэрон смеялся, обнимая Верону.

Что в нём такого, чего нет во мне?

Эхор всегда считал себя мудрым.

Он существовал дольше обоих. Знал больше, видел дальше, понимал тайны сада, которые им ещё только предстояло открыть.

Но Верона выбирала Саэрона.

И Саэрон выбирал Верону.

Снова и снова.

Каждый день.

Впервые Эхор подумал, что, возможно, его дружба никогда не будет для них столь же важна, как их любовь.

Эта мысль испугала его.

А вслед за страхом пришло новое чувство.

Обжигающее.

Горькое.

Почти невыносимое.

Зависть.

Ночью Эхор долго бродил по саду.

Он пытался вспомнить разговор с Богом.

«Любовь не становится меньше, когда ею делятся...»

Но теперь эти слова казались ему несправедливыми.

Почему он должен довольствоваться тем, что ему дают?

Почему Саэрон и Верона имеют право быть для кого-то самыми важными существами во всём мире, а он — нет?

Он подошёл к дереву с двумя стволами.

При свете луны его переплетённые ветви отбрасывали на землю длинные тени.

Эхор положил ладонь на кору.

Раньше это дерево казалось ему прекрасным.

Теперь в его очертаниях он видел лишь напоминание о том, чего у него никогда не было.
— Почему вы всегда вместе? — прошептал он.

Лёгкий ветер прошелестел листвой.

Эхор отнял руку.

А затем ему пришла в голову странная мысль.

А что, если бы однажды они перестали понимать друг друга?

Он представил Саэрона, который больше не спешит к Вероне.

Верона, которая перестаёт ждать Саэрона.

Двух людей, больше не связанных тем невидимым чувством, которое делало их такими счастливыми.

Возможно, тогда они станут больше нуждаться в нём.

Возможно, начнут искать его общества, спрашивать совета, доверять ему свои печали.

И Эхор больше никогда не почувствует себя лишним.

Он замер.

Мысль показалась ему настолько неприятной, что он попытался прогнать её.

Это были его друзья.

Они никогда не причиняли ему зла.

За что же он желает им несчастья?

Эхор закрыл глаза.

Нет. Я не хочу, чтобы они страдали.

Но следом возникла другая мысль:

А разве им обязательно страдать? Может быть, порознь им будет даже лучше?

Он открыл глаза.

Два ствола поднимались к небу, тесно переплетаясь между собой.

И вдруг Эхору показалось, что одно дерево мешает другому расти.

Он знал, что это неправда.

Знал, что оба ствола питаются от одного корня и не отнимают друг у друга ни света, ни жизни.

Но теперь ему захотелось увидеть в них соперников.

Вдалеке послышался смех.

Саэрон и Верона возвращались к своему жилищу.

Они шли, держась за руки.

Верона что-то рассказывала, Саэрон внимательно слушал.

Когда она споткнулась о выступающий из земли корень, он помог ей удержать равновесие.

Оба рассмеялись.

Совсем обыкновенное мгновение.

Но Эхору оно показалось невыносимым.

Он отвернулся.

Впервые за всё своё существование он захотел, чтобы двое любящих существ перестали быть счастливыми.

И впервые ему пришло в голову, что для этого вовсе не обязательно применять силу.

Достаточно заставить каждого из них поверить, будто другой больше не достоин его любви.

Эхор стоял под древним деревом до самого рассвета.

Ни единой лжи ещё не сорвалось с его губ.

Ни одна слеза не была пролита из-за него.

Ни одно любящее сердце ещё не узнало предательства.

Но там, где прежде жила только дружба, уже укоренилось желание обладать.

А где-то высоко над садом Бог смотрел на Своё творение.

Он видел печаль Эхора.

Видел и то, во что она могла превратиться.

Но Он создал его свободным, как создал свободными Саэрона и Верону.

И потому не стал отнимать у него право выбора.

На востоке медленно поднималось солнце.

Саэрон и Верона ещё спали, обняв друг друга, не подозревая, что их самый близкий друг впервые задумался о том, как разлучить их.

Начиналось новое утро.

Последнее утро, когда в райском саду ещё никто никому не солгал.

Конец пролога

ГЛАВА 1

То, чему не было имени

Утро в райском саду начиналось с тишины.

Но это была не та тишина, которая возникает от отсутствия жизни. Напротив, в ней слышалось всё: лёгкое движение листьев, журчание ручьёв, едва уловимое дыхание ветра, шелест крыльев птиц, просыпавшихся среди ветвей.

Эхор любил это время.

Прежде он встречал каждый рассвет с радостью. Поднимался к высокому холму, откуда открывался вид на долину, и наблюдал, как первые солнечные лучи медленно окрашивают вершины гор.

Иногда ему казалось, что он слышит, как пробуждается сама земля.

Но теперь что-то изменилось.

Всё вокруг оставалось прежним. И всё же Эхор больше не испытывал того безмятежного счастья, которое когда-то наполняло его существование.

Он стоял возле озера и смотрел на собственное отражение.

Серебристые волосы касались плеч. Светлые глаза, прежде всегда спокойные, сегодня казались непривычно задумчивыми.

Эхор наклонился и коснулся воды кончиками пальцев.

По гладкой поверхности побежали круги.

Ему почему-то вспомнился вчерашний вечер.

Верона смеялась, прижимая к груди маленькую деревянную фигурку, которую подарил ей Саэрон.

«Я буду хранить её всю вечность».

Эхор невольно поморщился.

Он никак не мог понять, почему эти слова так сильно его задели.

Разве он не радовался счастью друзей?

Разве не он сам помогал Саэрону искать подходящий кусок дерева для подарка?

И почему теперь, вспоминая лицо Вероны, освещённое радостью, он чувствовал что-то похожее на обиду?

— Эхор!

Знакомый голос заставил его обернуться.

По тропинке быстро шёл Саэрон.

Его тёмные волосы были растрёпаны после сна, а лицо выражало такое воодушевление, что Эхор невольно улыбнулся.

— Доброе утро, друг мой.

— Я тебя повсюду ищу!

— Что случилось?

— Мне нужна твоя помощь.

Саэрон сел на камень рядом с ним.

— Вчера Верона сказала, что ей нравится место у старой ивы. Помнишь ту, что стоит на другом берегу?

— Конечно.

— Я хочу построить там небольшую беседку.

— Зачем?

Саэрон удивлённо посмотрел на него.

— Чтобы она могла сидеть там, когда захочет. Читать, смотреть на воду, слушать птиц.

— Но она и сейчас может делать всё это.

— Может, — согласился Саэрон. — Но мне хочется сделать для неё что-нибудь особенное.

Эхор опустил глаза.

Опять Верона.

Все мысли Саэрона, казалось, были заняты только ею.

— Ты так много для неё делаешь, — заметил он.

— Разве это плохо?

— Нет. Просто иногда мне кажется, что ты забываешь обо всём остальном.

Саэрон рассмеялся.

— Например, о тебе?

Эхор хотел ответить, но не успел.

Саэрон дружески обнял его за плечи.

— Глупый! Ты ведь тоже мне дорог. Именно поэтому я пришёл к тебе. Кто ещё поможет мне построить самую красивую беседку во всём саду?

Эхор почувствовал укол стыда.

Саэрон доверял ему.

Он не подозревал о мыслях, которые в последнее время всё чаще посещали его друга. — Конечно, я помогу, — тихо сказал Эхор.

— Тогда пойдём!

Они поднялись и направились к лесу.

Работа заняла почти всё утро.

Саэрон с необыкновенным усердием собирал гладкие ветви и молодые гибкие побеги, а Эхор показывал, как соединять их между собой, чтобы сооружение получилось прочным.

Временами Саэрон делал что-нибудь неправильно.

Тогда Эхор терпеливо объяснял, как исправить ошибку.

— Ты удивительно много знаешь, — заметил Саэрон, наблюдая, как тот ловко переплетает ветви.

— Я живу здесь гораздо дольше тебя.

— И всё-таки мне кажется, что я никогда не смогу узнать столько, сколько знаешь ты.

Эхор посмотрел на друга.

— Тебя это огорчает?

— Почему должно огорчать?

— Разве ты не хочешь быть мудрее остальных?

Саэрон задумался.

— Я хочу понимать мир. Но зачем мне быть мудрее тебя?

— Чтобы не нуждаться в моих советах.

Саэрон улыбнулся. — А разве плохо нуждаться в помощи друга?

Эхор промолчал.

Этот простой вопрос почему-то поставил его в тупик.

Через некоторое время беседка приобрела очертания. Её невысокие стены были увиты зеленью, а крыша состояла из переплетённых ветвей.

Саэрон отошёл на несколько шагов и оглядел сооружение.

— Как думаешь, ей понравится?

— Думаю, да.

— Надо ещё украсить её цветами.

— Я могу этим заняться, — предложил Эхор.

— Правда?

— Конечно.

Саэрон радостно улыбнулся.

— Тогда я приведу Верону сюда на закате. Только ничего ей не говори!

— Не скажу.

Саэрон ещё раз поблагодарил друга и направился к дому.

Эхор остался один.

Он смотрел на беседку, которую они только что построили.

В каждой её ветви, в каждом аккуратном соединении было столько заботы Саэрона о Вероне.

И вдруг Эхор поймал себя на мысли, что хотел бы однажды построить что-нибудь подобное для кого-то, кто будет ждать именно его.

Он отогнал эту мысль и отправился за цветами.

Верону он встретил у ручья.

Она сидела на коленях возле небольшого куста и что-то внимательно рассматривала.

— Что ты там нашла? — спросил Эхор.

Верона обернулась.

— Посмотри!

В её ладонях лежала маленькая птица с повреждённым крылом.

— Она пыталась взлететь, но упала, — объяснила Верона. — Я боюсь сделать ей больно.

Эхор осторожно присел рядом.

Он протянул руки.

— Позволишь?

Верона бережно передала ему птицу.

Эхор внимательно осмотрел крыло.

— Она зацепилась за колючую ветвь. Нужно немного помочь ей.

Он отыскал широкие листья целебного растения, росшего у ручья, и осторожно приложил их к повреждённому месту.

Птица вздрогнула.

Верона тревожно наклонилась ближе.

— Ей больно?

— Немного. Но скоро пройдёт.

— Бедная...

Эхор поднял глаза.

Верона смотрела на маленькое создание с такой искренней нежностью, что он на мгновение забыл о птице в своих руках.

Солнечный свет пробивался сквозь ветви и ложился на её волосы золотистыми полосами.

Она не замечала, как прекрасна.

В этом и заключалось что-то удивительное.

Эхор знал красоту сада во всех её проявлениях. Он видел первые цветы, расцветавшие на земле, наблюдал за рождением рек и озёр.

Но сейчас ему казалось, что он впервые замечает настоящую красоту.

— Эхор?

Он вздрогнул.

— Да?

— Ты меня слышишь?

— Конечно.

— Я спросила, поправится ли она.

— Поправится.

Верона облегчённо улыбнулась.

— Как хорошо, что я тебя встретила!

Она коснулась его руки.

Совсем легко.

Просто из благодарности.

Но Эхор вдруг почувствовал, что не хочет, чтобы она убирала ладонь.

Это ощущение было настолько новым, что он испугался.

Верона же ничего не заметила.

Она продолжала разговаривать о птице, о саде, о маленьком ручье, который после недавнего дождя изменил своё русло.

Эхор слушал её голос.

И впервые слова казались ему менее важными, чем то, кто их произносит.

Они устроили для птицы временное гнездо среди мягкого мха.

Верона долго наблюдала, как она устраивается среди листьев.

— Ты очень добр, Эхор, — сказала она.

Он смутился.

— Я лишь помог ей.

— Именно. Ты всегда помогаешь. — Не всегда.

Верона удивлённо посмотрела на него.

— Почему ты так говоришь?

Эхор отвёл взгляд.

— Иногда мне кажется, что я помогаю другим только потому, что хочу быть им нужным.

Верона задумалась.

— А разве желание быть нужным — это плохо?

— Не знаю.

— Мне кажется, в этом нет ничего плохого, если ты действительно хочешь помочь.

Она улыбнулась.

— Вот Саэрон тоже постоянно пытается сделать для меня что-нибудь хорошее. Иногда даже тогда, когда я его об этом не прошу.

Эхор почувствовал, как прежнее тёплое чувство исчезает.

Снова Саэрон.

Верона произнесла его имя так легко, с такой нежностью, словно оно было неотделимо от её собственного дыхания.

— Ты очень его любишь? — неожиданно спросил Эхор.

Она посмотрела на него с удивлением.

— Конечно.

— Почему?

Верона рассмеялась. — Какой странный вопрос!

— И всё же?

Она задумалась.

— Наверное, потому, что рядом с ним я могу быть самой собой.

— А рядом со мной?

Верона повернулась к нему.

— С тобой тоже.

Эхор почувствовал, как в душе вспыхнула надежда.

Но Верона продолжила:

— Ты мой дорогой друг. Я могу рассказать тебе то, о чём иногда забываю рассказать даже Саэрону.

— Значит, ты доверяешь мне?

— Очень.

Она улыбнулась, словно речь шла о чём-то совершенно очевидном.

— Я рада, что Бог подарил нам тебя.

Эхор медленно опустил глаза.

Друг.

Какое странное слово.

Ещё недавно оно казалось ему самым прекрасным.

Теперь же почему-то причиняло боль.

После полудня они отправились к цветущей долине.

Эхор знал место, где росли редкие серебристые цветы. Их лепестки меняли оттенок в течение дня: утром были почти белыми, днём приобретали нежный голубой цвет, а на закате становились золотистыми.

Верона пришла в восторг.

— Почему ты раньше не показывал мне это место?

— Ты никогда не спрашивала.

— Но я ведь не знала о его существовании!

Эхор улыбнулся.

— Теперь знаешь.

Она прошла между цветами, осторожно касаясь их кончиками пальцев.

— Они прекрасны!

— Можешь взять несколько.

— А можно?

— Конечно.

Верона присела возле одного из растений.

Но вместо того чтобы сорвать цветок, долго рассматривала его.

— Нет, пусть растёт.

— Почему?

— Здесь ему хорошо.

Эхор усмехнулся. — Цветы растут и для того, чтобы радовать нас.

— Но разве обязательно срывать то, что тебе нравится?

Он посмотрел на неё.

Верона осторожно поправила склонённый стебель.

— Мне достаточно знать, что они здесь есть. Я смогу приходить и любоваться ими.

Эхор ничего не ответил.

Слова показались ему странными.

Разве можно любить что-то и не желать, чтобы оно принадлежало тебе?

Он не знал ответа.

И впервые подумал, что Верона, которая знала о мире гораздо меньше него, возможно, понимает нечто такое, чего он сам ещё не постиг.

Обратно они возвращались медленно.

Верона рассказывала Эхору о своих мечтах.

Она хотела однажды отправиться за высокие горы. Увидеть моря, о которых рассказывал Саэрон. Узнать, какие растения растут в дальних долинах.

— А ты хотел бы пойти со мной? — спросила она.

Эхор остановился.

— С тобой?

— Конечно! Ты ведь знаешь столько дорог.

Он посмотрел на неё.

— А Саэрон?

— Он тоже пойдёт.

Надежда, едва успевшая родиться, погасла.

Верона не заметила перемены в его лице.

— Представляешь, как замечательно будет путешествовать втроём!

— Да, — тихо ответил Эхор. — Замечательно.

Они пошли дальше.

У развилки тропинок Верона остановилась.

— Мне пора. Саэрон, наверное, уже ищет меня.

Эхор хотел сказать, что она могла бы остаться ещё немного.

Хотел предложить показать ей другую долину, куда редко заглядывали даже птицы.

Но увидел, с каким нетерпением она смотрит в сторону дома, и промолчал.

— Спасибо за сегодняшний день, Эхор.

Она обняла его.

Он осторожно ответил на объятие.

Всего мгновение.

Но когда Верона отстранилась, ему захотелось удержать её.

Он не сделал этого.

— До завтра, — сказала она. — До завтра.

Он смотрел ей вслед, пока она не скрылась за деревьями.

И лишь тогда понял, что весь день ждал этих объятий, сам того не осознавая.

На закате Саэрон привёл Верону к беседке.

Эхор находился неподалёку, заканчивая украшать её последними серебристыми цветами.

Он услышал знакомые голоса и отошёл за деревья.

— Закрой глаза, — попросил Саэрон.

— Ты опять что-то придумал?

— Просто доверься мне.

Верона рассмеялась.

— Хорошо.

Саэрон осторожно взял её за руку и повёл по тропинке.

— Теперь открывай.

Верона замерла.

Перед ней стояла маленькая беседка, увитая зеленью и цветами.

Солнечные лучи проникали сквозь ветви, освещая её стены мягким золотистым светом.

— Саэрон...

— Тебе нравится?

Она не ответила.

Медленно прошла внутрь, коснулась переплетённых ветвей, посмотрела на озеро.

Затем обернулась.

— Ты сделал это для меня?

— Мы с Эхором, — честно ответил Саэрон. — Он очень помог.

Верона посмотрела по сторонам.

— А где же он?

Эхор невольно сделал шаг вперёд.

На мгновение ему захотелось выйти из-за деревьев.

Увидеть её радость.

Услышать благодарность.

Но прежде чем он успел решиться, Верона бросилась в объятия Саэрона.

— Я так тебя люблю!

Саэрон засмеялся и крепко обнял её.

Эхор остановился.

Он стоял совсем близко, но почему-то чувствовал себя бесконечно далёким от них.

Ведь он тоже помогал строить эту беседку.

Он принёс цветы.

Он потратил на украшение почти весь день.

Но Верона сейчас смотрела только на Саэрона.

Эхор медленно отступил.

На этот раз он не стал дожидаться, пока друзья заметят его.

Вечером хранитель сада снова пришёл к дереву с двумя стволами.

Луна освещала переплетённые ветви.

Эхор сел у корней и закрыл глаза.

Он пытался понять самого себя.

Почему ему становится радостно, когда Верона улыбается ему?

Почему больно, когда она произносит имя Саэрона?

Почему он ждёт её шагов и узнаёт голос среди множества других звуков?

И почему мысль о том, что однажды она может захотеть провести день только с ним, кажется ему такой прекрасной?

Он вспомнил, как она обняла его утром.

Как сказала, что доверяет ему.

Как пригласила отправиться вместе в путешествие.

И как во всех её мечтах рядом с ней неизменно находился Саэрон.

Эхор поднял голову.

— Что со мной происходит? — прошептал он.

— Ты начинаешь узнавать собственное сердце.

Эхор вздрогнул.

Неподалёку стоял Бог.

Он выглядел так же, как всегда: спокойный, светлый, с добрым взглядом, в котором словно отражалась вся бесконечность сотворённого мира.

Эхор поднялся.

— Отец...

Бог подошёл ближе.

— Ты искал ответа на свой вопрос?

— Да.

— И нашёл?

Эхор покачал головой.

— Мне кажется, я люблю Верону.

Бог не удивился.

— Она дорога тебе.

— Нет, — Эхор впервые решился произнести то, чего сам боялся. — Я люблю её не так, как Саэрона. Не так, как деревья, птиц или этот сад.

Он запнулся.

— Я хочу, чтобы она смотрела на меня так же, как на него.

Бог долго молчал.

— А если она не посмотрит?

Эхор опустил глаза.

— Я не знаю.

— Её сердце свободно, Эхор. — Я знаю.

— Как свободно и твоё.

Хранитель сжал пальцы.

— Но почему тогда мне так больно?

— Потому что ты впервые желаешь того, что не можешь получить одним лишь собственным желанием.

Эхор поднял взгляд.

— Разве это несправедливо?

Бог посмотрел на дерево.

— Представь, что ты любуешься птицей. Она прекрасна, пока свободно летает над садом. Но однажды ты решаешь, что любишь её настолько сильно, что должен удержать возле себя. Ты закрываешь её в прекрасной клетке. Даёшь ей пищу, воду, украшаешь клетку цветами.

Он сделал паузу.

— Станет ли твоя любовь от этого больше?

Эхор задумался.

— Нет.

— А станет ли птица счастливее?

— Нет.

— Тогда что ты на самом деле захотел сохранить: её счастье или собственную радость от обладания ею?

Эхор отвёл глаза.

Он понял смысл вопроса.

Но признаться себе в ответе оказалось гораздо труднее, чем он ожидал.

— Значит, я должен отказаться от своих чувств?

— Нет, дитя Моё. Чувства приходят к нам не всегда по нашему выбору. Но мы сами выбираем, что с ними делать.

Эхор долго молчал.

Затем тихо спросил:

— А если я всё-таки захочу, чтобы Верона полюбила меня?

— Ты можешь желать её любви. Но не можешь требовать её. И не должен разрушать чужое счастье ради своего желания.

Бог положил руку ему на плечо.

— Помни, Эхор: любовь, которую приходится отнимать у другого, никогда не станет твоей.

С этими словами Он медленно удалился по тропинке.

Эхор остался один.

Ночь казалась необыкновенно долгой.

Он сидел под деревом, вслушиваясь в тишину.

Впервые за всё своё существование он не знал, чего хочет больше.

Чтобы Верона была счастлива?

Или чтобы она была счастлива именно с ним?

До сегодняшнего дня ему казалось, что это одно и то же.

Теперь же он начинал понимать разницу.

Эхор вспомнил, как Саэрон доверчиво обнял его утром.

Как просил помочь сделать подарок Вероне.

Как даже не подумал скрыть, что беседку они строили вместе.

Саэрон был его другом.

Верона тоже.

Они никогда не причиняли ему зла.

И всё же Эхор впервые в жизни пожалел о том, что они встретили друг друга раньше, чем встретили его.

Эта мысль испугала его.

Он поднялся и подошёл к дереву.

Два ствола по-прежнему тянулись к небу, переплетаясь ветвями.

Эхор медленно провёл рукой по одному из них.

«А что, если бы их было не два?»

Он представил третье дерево, выросшее рядом.

Но тут же понял, что даже если посадить его совсем близко, корни двух первых стволов уже переплелись.

У них была собственная история.

Собственная любовь.

Собственный мир.

И тогда в душе Эхора впервые родился вопрос, который однажды изменит судьбу всего человечества.

«А почему именно он? Почему Саэрон, а не я?»

Эхор закрыл глаза.

Ветер тихо шелестел листьями над его головой.

Он ещё не собирался никого обманывать.

Не хотел причинять друзьям боль.

Но впервые перестал радоваться их счастью.

И, сам того не замечая, начал считать любовь Вероны чем-то, что по праву могло бы принадлежать ему.

А далеко отсюда, в беседке у озера, Саэрон и Верона сидели рядом и смотрели на звёзды.

Они были счастливы.

Они верили друг другу.

И ни один из них ещё не знал, что в сердце их самого близкого друга зародилось чувство, для которого он пока не находил имени.

Впрочем, имя у него уже было.

Ревность.

ГЛАВА 2

Чужое сердце

К вечеру у озера всегда становилось особенно тихо. Вода принимала цвет неба, и казалось, будто между землёй и звёздами не осталось границы.

Но в это утро Эхор пришёл туда не ради тишины. С предыдущего вечера, когда он впервые признался Отцу в своих чувствах, его мысли не находили покоя. Он долго стоял на берегу и смотрел на беседку, построенную для Вероны. Сквозь её плетёную крышу пробивалось солнце. На стенах уже распустились молодые побеги, а серебристые цветы, которые он сам вплетал в ветви, повернулись вслед за светом.

Саэрон обещал научиться делать для беседки небольшие светильники. Верона хотела посадить возле неё душистые травы. У них было столько планов, что Эхору иногда казалось: на каждое утро они уже нашли применение, а для него в их вечности остаётся всё меньше места.

Он знал, что это несправедливая мысль.

Накануне Саэрон искал его, чтобы поблагодарить. Верона оставила в беседке место, где Эхор мог бы сидеть вместе с ними. Они не забыли о нём. И всё-таки каждый знак дружбы теперь словно напоминал ему о границе, которую он не мог переступить.

— Ты опять здесь! — послышался голос Вероны.

Эхор обернулся. Она спускалась по тропинке с корзиной, сплетённой из тонкой лозы. В корзине лежали гладкие камни, раковины и несколько крупных семян.

— Я тебя искала, — сказала она. — Саэрон говорит, что ты знаешь, какие растения могут расти в тени.

— Почти все здешние, если дать им достаточно воды.

— Значит, поможешь мне?

Она произнесла это так просто, с таким доверием, что он не смог отказать.

Вдвоём они рыхлили землю у беседки и пересаживали молодые кустики. Верона работала с увлечением: засыпала корни землёй, бережно поправляла листья, разговаривала с растениями, словно они могли ответить. Когда один из ростков никак не хотел стоять прямо, она устроила ему подпорку из маленькой ветки.

— Теперь он справится, — сказала она и вытерла ладонью лоб.

На её щеке осталась полоска земли.

Эхор невольно улыбнулся.

— Что? — спросила Верона.

— У тебя лицо испачкано.

Она попыталась вытереть щёку и только размазала пятно.

— Ещё хуже?

— Немного. Они рассмеялись. Эхор протянул ей чистый лист, смоченный водой. Верона поблагодарила его и, совершенно не смущаясь, снова взялась за работу.

Как же легко было находиться рядом с ней, пока он не думал о Саэроне. И как трудно — едва вспоминал, что к вечеру она вернётся не с ним.

— Знаешь, — сказала Верона, не поднимая головы, — раньше я думала, что всё прекрасное в саду появилось сразу, и менять здесь нечего. А теперь мне хочется что-нибудь выращивать самой.

— Почему?

— Потому что интересно заботиться о том, что ещё не стало прекрасным. Смотреть, как оно растёт.

Эхор посмотрел на маленький, почти незаметный росток.

— А если оно не вырастет?

— Тогда я попробую снова.

Она сказала это с улыбкой, не ведая, как сильно слова отозвались в нём.

Попробовать снова.

До сих пор Эхор только молча желал невозможного. А что, если он слишком рано решил, будто Верона никогда не сумеет взглянуть на него иначе?

Ведь чувства могут меняться. И растения не сразу становятся деревьями. Он ухватился за эту мысль с такой жадностью, что не заметил, как перестал слушать её рассказ о семенах.

В следующие дни Эхор стал искать встреч с Вероной чаще прежнего.

Он приносил ей необычные камни из дальних долин. Находил птиц с редким оперением и звал послушать их пение. Показывал, где по вечерам распускаются цветы, сияющие мягким голубым светом.

Сначала он объяснял себе это обычной дружбой.

Разве плохо делать приятное тому, кто тебе дорог? Разве Бог не говорил, что само чувство не является виной?

Но постепенно Эхор обнаружил: ему недостаточно радости Вероны. Он ждал, чтобы она сравнила его с Саэроном — и выбрала его.

Однажды он привёл её к узкому водопаду, скрытому между скалами. Вода там падала не в озеро, а на широкий каменный выступ, разлетаясь на множество прозрачных нитей. Когда солнце поднималось достаточно высоко, каждая нить вспыхивала радугой.

Верона остановилась в восхищении.

— Как ты нашёл это место?

— Очень давно. Я приходил сюда ещё до вашего появления.

— Значит, ты помнишь времена, когда нас не было?

— Помню. — Тебе было одиноко?

Эхор хотел ответить привычное «нет», но передумал.

— Я не знал, что такое одиночество, пока не узнал, что можно быть не одному.

Верона посмотрела на него внимательнее.

— Ты говоришь так печально.

— Возможно, это место напоминает мне о прошлом.

— Тогда давай приходить сюда чаще, — предложила она. — Ты не должен грустить в одиночестве.

На мгновение он почувствовал почти детскую радость.

— Только мы вдвоём?

Она удивилась вопросу.

— Если захочешь. А однажды приведём и Саэрона. Он бы обрадовался такому водопаду.

Эхор отвернулся к воде.

Он не желал сердиться на неё. Верона не обещала ничего, что могла бы нарушить. И всё же её последние слова показались ему ударом.

— Саэрон не обязательно должен видеть всё, что видишь ты, — произнёс он.

— Конечно, — спокойно согласилась она. — Мы ведь часто ходим разными дорогами.

Но голос Эхора уже изменился: — А бывает, что ты думаешь о чём-нибудь, не думая при этом о нём?

Верона рассмеялась, не поняв его раздражения.

— Конечно бывает! Сейчас я думаю о том, как вода может разбиваться на такие тонкие струи.

Эхор хотел улыбнуться ей в ответ, но не сумел.

Ему становилось всё труднее различать простую доброту и то, на что он так отчаянно надеялся.

Саэрон заметил перемену раньше, чем Эхор предполагал.

Они встретились на тропе, ведущей к высоким деревьям. Саэрон нёс связку прочных побегов: он хотел сделать из них подвесную скамью возле беседки.

— Ты давно к нам не заходил, — сказал он.

— Я занят.

— Чем?

— Разными делами.

Саэрон остановился, поставил побеги на землю и посмотрел на друга.

— Ты на меня сердишься?

— Нет.

— Тогда почему едва разговариваешь со мной?

Эхор и сам не знал, что ответить. Саэрон ничего не сделал, чтобы заслужить его холодность. Более того, стоял сейчас перед ним с таким открытым лицом, что внезапное чувство вины оказалось почти невыносимым.

— Я просто хочу побыть один, — произнёс он наконец.

— Бывает, — кивнул Саэрон. — Но если что-нибудь тревожит тебя, ты можешь рассказать мне.

— Ты всё равно не поймёшь.

Саэрон не обиделся.

— Возможно. Но я попробую.

Он поднял побеги и уже собирался идти дальше, когда вдруг обернулся:

— Кстати, Верона рассказала про водопад. Спасибо, что показал ей. Она говорила о нём весь вечер.

Эхор замер.

— Она рассказала тебе?

— Конечно. Мы часто делимся тем, что увидели за день.

Саэрон улыбнулся.

— Она сказала, что ты знаешь самые удивительные места на свете. И что мне очень повезло иметь такого друга.

Эхор почувствовал, как внутри болезненно сжалось что-то живое.

Ему следовало бы порадоваться. Верона говорила о нём с теплотой. Саэрон не ревновал. Между всеми тремя по-прежнему существовало доверие. Но Эхору хотелось, чтобы хоть однажды Верона сохранила воспоминание только для них двоих.

— Передай ей, что я рад, — сказал он.

Саэрон приблизился и коснулся его плеча.

— Лучше скажи сам. Приходи вечером. Нам тебя не хватает.

Когда друг ушёл, Эхор ещё долго смотрел ему вслед.

«Нам тебя не хватает».

Он знал, что Саэрон говорил искренне. Но почему-то слышал в этих словах другое: «Мы счастливы вдвоём, а для тебя найдётся место рядом».

Впервые Эхор испугался не только своих чувств, но и того, как они меняют смысл самых добрых слов.

В глубине сада находилась долина, которую Верона ещё ни разу не видела.

Днём она казалась обыкновенной: невысокие холмы, светлая трава, редкие деревья. Но с наступлением сумерек на земле появлялись крошечные огоньки. Они вспыхивали среди листьев один за другим, пока долина не начинала напоминать звёздное небо, опустившееся к ногам путника.

Эхор когда-то назвал её Долиной тихих звёзд.

Именно туда он решил пригласить Верону. Долго думал, что скажет. Репетировал слова у ручья, потом у высоких скал, потом в тени старого дерева. В каждом варианте признание звучало чужим голосом. Слова были либо слишком торжественны, либо слишком просты.

Он хотел не просто сообщить ей о своей любви. Он мечтал, чтобы она посмотрела ему в глаза — и вдруг поняла, что ошибалась, считая его лишь другом.

В тот день он принёс ей небольшой подарок.

Это была прозрачная чаша из тонкого природного камня. Эхор долго обтачивал её у реки, пока поверхность не стала гладкой. На дне он закрепил светящийся кристалл, который не гас даже в темноте. Если налить в чашу воду, свет разливался по стенкам и превращался в узор из маленьких звёзд.

Верона приняла подарок с искренним удивлением.

— Эхор! Ты сделал это сам?

— Да.

— Какая красота!

Она подняла чашу к свету и улыбнулась.

— Я поставлю её в беседке. Вечером там будет так уютно!

Эхор ощутил знакомую боль.

Он делал подарок ей. В воображении видел, как она бережно хранит его возле себя. Но Верона уже представляла чашу в месте, которое построил для неё Саэрон. — Может быть, ты оставишь её там, где будешь одна? — спросил он.

Верона опустила чашу.

— Почему?

— Мне хотелось бы, чтобы она напоминала тебе обо мне.

— Она и будет напоминать, — мягко ответила Верона. — Где бы я её ни поставила.

Эхор промолчал.

Она внимательно посмотрела на него.

— Ты сегодня странный. Что-нибудь случилось?

Вот он, момент, которого Эхор ждал и боялся.

— Я хочу показать тебе одно место. Сегодня, когда начнут появляться звёзды.

— Хорошо. А Саэрон знает о нём?

— Пока нет. Я хотел сначала показать его тебе.

— Тогда расскажем ему потом, — сказала Верона и улыбнулась.

Эхор кивнул. Он не стал возражать.

Но впервые за долгое время предстоящий вечер внушал ему не радость, а страх.

Долина тихих звёзд встретила их прохладным воздухом и ароматом низких цветов. Солнце уже скрылось за горами. Над холмами вытянулись бледные полосы последнего света. Внизу, среди трав, стали загораться первые огоньки.

Верона остановилась.

— Эхор... Это чудо.

Он смотрел не на долину, а на её лицо.

— Ты рада?

— Очень.

Она медленно пошла по тропинке. Огоньки вспыхивали то справа, то слева, и вскоре казалось, что они идут по самой середине созвездия.

— Ты всегда находишь для меня что-нибудь прекрасное, — сказала Верона. — Я даже не знаю, как тебя благодарить.

Эхор почувствовал, как сердце отзывается на её слова.

— А если бы я попросил тебя о чём-нибудь?

Она обернулась.

— Конечно, проси.

— Не обещай заранее.

Верона слегка нахмурилась.

— Хорошо. Тогда скажи, о чём речь.

Они дошли до небольшого каменного уступа. Отсюда долина открывалась целиком, а над ней мерцали настоящие звёзды. Эхор предложил присесть. Верона устроилась на гладком камне, поставив чашу со светящимся кристаллом рядом.

Некоторое время они молчали.

— Помнишь, — начал Эхор, — однажды ты спросила меня, любил ли я кого-нибудь так, чтобы хотелось проводить с ним каждое мгновение?

— Помню.

— Я тогда не смог ответить.

Верона повернулась к нему.

— А теперь можешь?

Эхор посмотрел на свои руки.

— Да.

Слово прозвучало тихо, но он почувствовал, будто произнёс его на весь мир.

— Я люблю тебя, Верона.

Она не сразу поняла смысл сказанного. На её лице сначала отразилось удивление, затем — растерянность.

— Эхор...

— Я пытался молчать. Думал, это пройдёт. Но каждый раз, когда вижу тебя, мне кажется, что всё вокруг становится другим.

Он говорил быстрее, чем собирался:

— Я знаю, как тебе дороги растения, которые ты выращиваешь. Помню, какие цветы ты любишь, какие места хочешь увидеть. Я могу показать тебе весь сад. Могу быть рядом, когда захочешь. Могу делать тебя счастливой.

Верона опустила глаза.

Эхор ждал. Ему казалось, что если он остановится, надежда исчезнет.

— Я не прошу ответа сейчас. Просто подумай: возможно, то, что ты чувствуешь к Саэрону, не единственная любовь, которую можно узнать.

Верона резко подняла голову.

— Не говори так.

Эхор замолчал.

Она долго смотрела на него. В её взгляде не было ни насмешки, ни злости. Лишь печаль — оттого, что теперь она поняла то, чего прежде не замечала.

— Мне очень дорого всё, что мы делили с тобой, — сказала она наконец. — Наши прогулки, разговоры, твоя забота. Я никогда не думала, что ты ждёшь от меня чего-то другого.

— А теперь?

— Теперь я знаю. И не хочу обманывать тебя.

Эхор почувствовал, как похолодели пальцы.

— Ты даже не попробуешь?

— Что именно?

— Посмотреть на меня иначе.

Верона медленно покачала головой. — Я не могу решить полюбить тебя только потому, что ты этого желаешь.

— Но ты говорила, что любишь меня.

— Я люблю тебя как друга. Это не было неправдой.

— Разве дружбы недостаточно, чтобы однажды появилась другая любовь?

— Иногда, наверное, так бывает. Но я не могу обещать тебе этого, Эхор. Моё сердце любит Саэрона.

Он отвернулся.

Как просто она произнесла имя соперника. Без сомнений. Без паузы. Так, будто решение было принято задолго до их разговора и не нуждалось в пересмотре.

— Ты даже не знаешь, что значит быть без него, — сказал Эхор.

— Не знаю, — ответила Верона. — И не хочу узнавать ради того, чтобы проверить, смогу ли полюбить другого.

Он опустил голову.

— Значит, у меня нет никакой надежды?

— Мне больно говорить тебе это. Но я не хочу оставлять надежду там, где не могу её разделить.

Они снова замолчали.

Вокруг продолжали гореть тысячи маленьких огоньков. Долина была прекрасна, как и прежде. Только Эхор больше не мог видеть её красоты. Верона первой нарушила молчание.

— Ты останешься моим другом?

Он почти рассмеялся, но вовремя остановился.

Она не понимала, насколько мучительным стал для него этот вопрос.

— Не знаю, — честно ответил он.

Верона вздрогнула, но не стала просить его передумать.

— Если тебе нужно время, я пойму.

Эхор посмотрел на неё.

— Ты сейчас жалеешь меня?

— Я вижу, что тебе больно.

— Это не одно и то же.

— Нет, — согласилась Верона. — Я не считаю тебя слабым. И не хочу, чтобы ты чувствовал себя униженным из-за того, что решился сказать правду.

Её спокойствие раздражало его сильнее, чем гнев.

Если бы она рассердилась, он смог бы обидеться. Если бы насмеялась, сумел бы обвинить её в жестокости. Но Верона не дала ему ни того, ни другого.

Она просто не любила его так, как ему хотелось.

— Я думал, — медленно произнёс он, — что знаю тебя лучше, чем Саэрон.

Верона некоторое время размышляла. — Возможно, в чём-то лучше. А он знает меня по-другому. Но любовь не награда тому, кто больше знает.

Эхор поднял на неё глаза.

— Значит, как бы я ни старался, это ничего не изменит?

— Твоё добро не исчезнет, Эхор. Оно останется добром. Но я не могу расплатиться за него своим сердцем.

Эти слова он запомнит на тысячелетия.

Она бережно подняла подаренную чашу.

— Если тебе трудно видеть её у меня, я могу вернуть.

Он поспешно качнул головой.

— Нет. Оставь.

— Ты уверен?

— Да. Я сделал её для тебя.

Верона коснулась его руки.

— Спасибо, что сказал мне правду.

Эхор не ответил.

Они возвращались в сад порознь: Верона шла впереди, давая ему возможность побыть в тишине. Он не попросил её подождать.

У самой развилки она остановилась.

— Эхор, я не хотела ранить тебя.

— Знаю.

— И всё-таки мне жаль. — Ступай, Верона.

Она колебалась, затем кивнула и пошла к дому.

Эхор смотрел, как исчезает её фигура.

На одно мгновение ему захотелось окликнуть её, сказать, что всё прошло, что дружба важнее несбывшейся надежды, что он сумеет смириться.

Но слова не пришли.

Он остался стоять на пустой тропе, пока не погасли последние огоньки в траве.

Саэрон встретил Верону возле беседки.

Он сразу заметил, что она чем-то расстроена.

— Что случилось?

Верона поставила чашу на скамью. Свет кристалла мягко озарил её лицо.

— Я сегодня говорила с Эхором.

— Он обидел тебя?

— Нет. Он сказал мне о своих чувствах.

Саэрон присел рядом. Несколько мгновений он молчал, пытаясь понять услышанное.

— Он любит тебя?

Верона кивнула.

Саэрон посмотрел на прозрачную чашу. — А я думал, он просто рад проводить с нами время.

— Я тоже.

Саэрон взял её за руку.

— Что ты ему ответила?

— Правду. Что люблю тебя. И что он мне дорог, но иначе.

Саэрон медленно выдохнул.

— Наверное, ему сейчас тяжело.

Верона подняла глаза.

— Ты не сердишься?

— На тебя? За что?

— А на него?

Саэрон задумался.

— Мне неприятно представлять, что мой друг надеялся занять моё место. Но чувства не всегда спрашивают нашего разрешения. Важно, что он с ними сделает.

Верона прислонилась к его плечу.

— Я не хочу терять нашу дружбу.

— И я. Но, может быть, ему нужно побыть одному.

Она кивнула.

Саэрон обнял её и посмотрел в сторону тёмной тропы.

Он впервые почувствовал тревогу за друга, но не подозревал, как близко подошла беда. Эхор не пошёл к своему жилищу.

Он долго бродил между деревьями, пока не увидел сквозь листву свет беседки.

Там сидели Саэрон и Верона.

Эхор не собирался подслушивать. Он хотел пройти мимо, но услышал своё имя и невольно остановился.

— Бедный Эхор, — тихо сказала Верона. — Мне так жаль, что ему больно.

Саэрон ответил что-то, чего хранитель не разобрал. Затем Верона добавила:

— Надеюсь, он не останется один из-за нас.

Эхор отступил от беседки.

Бедный Эхор.

Он понимал, что Верона не пыталась его унизить. Совсем недавно она сказала, что не считает его слабым. Но сейчас услышанное больно ударило по самому уязвимому месту.

Ему хотелось быть тем, кого выбирают. А его жалели.

Он стиснул зубы и пошёл прочь.

На следующее утро Саэрон отыскал его у высокой скалы.

— Ты избегаешь меня? — спросил он без упрёка.

— Нет. Мне просто нужно побыть одному.

— Верона рассказала мне о вашем разговоре.

Эхор напрягся. — Конечно рассказала.

Саэрон не понял горечи в его голосе.

— Я не пришёл спорить с тобой. Ты наш друг. И я не хочу, чтобы ты думал, будто должен уйти из нашей жизни.

Эхор повернулся.

— А что, если мне невыносимо оставаться рядом?

— Тогда я не стану удерживать тебя. Но знай: я не хочу терять друга.

В Саэроне не было ни торжества, ни снисхождения. Именно это делало разговор ещё труднее.

Эхор ждал соперничества — и не получал его. Он хотел увидеть человека, который защищает своё превосходство, но Саэрон вовсе не считал любовь Вероны победой над ним.

— Ты никогда не задумывался, — спросил Эхор, — почему она выбрала тебя?

Саэрон удивился.

— Нет.

— А если однажды передумает?

Саэрон посмотрел на долину.

— Тогда мне будет больно. Но я не стану требовать, чтобы она оставалась рядом лишь из страха причинить мне страдание.

Эхор отвернулся.

— Тебе легко так говорить. Она ведь с тобой. — Возможно, — тихо сказал Саэрон. — Но я надеюсь, что когда-нибудь ты найдёшь собственное счастье, а не будешь измерять его нашим.

Он ушёл, оставив Эхора одного.

И на этот раз хранитель не ощутил даже привычного облегчения от одиночества.

С наступлением вечера Эхор отправился к краю сада.

Здесь деревья стояли реже, трава была жёстче, а воздух постепенно терял знакомый сладкий запах цветущей земли. Вдали начинались каменистые холмы, за которыми тянулась местность, куда он прежде почти не ходил.

Он помнил, как однажды спросил Отца, что находится дальше.

— Мир велик, — ответил тогда Бог. — Но не всякий голос, который ты услышишь, будет говорить тебе правду.

В то время Эхор не придал предупреждению значения.

Теперь же слова всплыли в памяти, и он упрямо отогнал их.

Отец знает, что Верона не любит меня. Но разве Он знает, что значит смотреть, как любимая выбирает другого?

Эхор остановился.

Он сразу же испугался собственной мысли. Кто он такой, чтобы сомневаться в любви Создателя? Бог никогда не смеялся над его болью, никогда не отвергал его и не запрещал ему любить.

Но сегодня Эхор не хотел слышать наставлений о свободе другого сердца.

Он хотел услышать, что ещё существует способ изменить решение Вероны.

Ветер донёс издалека незнакомый холодный запах камня.

Эхор увидел тёмную полосу между двумя скалами. Там начиналась долина, в которой даже днём не было слышно птиц.

Он не вошёл в неё.

Пока ещё нет.

Вместо этого он сел на низкий камень и долго смотрел на тускнеющее небо.

В памяти снова возникло лицо Вероны, когда она произнесла: «Я не могу расплатиться за твоё добро своим сердцем».

Она была права.

Эхор знал это.

Но знание не принесло покоя.

Впервые он понял, что можно услышать истину и всё равно захотеть её отвергнуть.

В саду, далеко позади него, Саэрон и Верона зажгли подаренную чашу. Тёплые отблески лёгли на плетёные стены беседки. Они сидели рядом и молчали, каждый по-своему тревожась о друге.

А Эхор смотрел на узкую тёмную долину.

Ему казалось, что где-то за скалами есть ответ, которого не пожелал дать Отец.

Он ещё не знал, что иногда дорога к самому страшному выбору начинается не с ненависти.

Она начинается с просьбы дать совет.

Конец второй главы.

ГЛАВА 3

Первый шёпот тьмы

Эхор так и не вошёл в долину.

Он стоял между двумя скалами, за которыми лежала неподвижная темнота, и слушал собственное дыхание. Позади, над райским садом, ещё держалась тонкая полоса вечернего света. Впереди не было ничего, что могло бы его остановить: ни ворот, ни стражей, ни дороги, обрывающейся в пропасть. Только камни, похожие на обугленные корни, и густой холодный воздух.

Он сделал шаг — и тотчас отступил.

Ему хотелось ответа. Но он не знал, что станет делать, если кто-нибудь действительно ответит.

Верона сказала, что любит Саэрона. Не скрыла этого, не смягчила обещаниями, не оставила места надежде. Она была честна с ним. Эхор повторял себе это всякий раз, когда в памяти возникало её лицо, освещённое крошечными звёздами в траве.

И всё же честность причиняла боль.

«Я не могу расплатиться за твоё добро своим сердцем».

Эти слова возвращались снова и снова. Он понимал их. Но чем больше понимал, тем сильнее хотел найти в них несправедливость.

Вдруг из-за скалы донёсся негромкий звук. Словно камешек упал в воду.

Эхор поднял голову. Он знал, что за скалами нет ручья. Когда-то он проходил здесь вместе с Отцом и запомнил сухие уступы, молчаливые расселины, редкую колючую траву. Тогда эта местность показалась ему просто частью большого мира, ещё не успевшей расцвести.

Звук повторился.

Эхор почувствовал, что его зовут. Не по имени — гораздо тише и настойчивее, как зовёт человека незаконченная мысль.

— Кто там? — спросил он.

Ответа не последовало.

Он ещё немного постоял, затем повернулся и направился обратно к саду. Но всю дорогу ему казалось, будто за спиной продолжают расходиться круги по невидимой воде.

К утру серебристая трава у беседки покрылась росой. Саэрон возился возле скамьи, которую хотел подвесить на двух прочных ветвях. Верона сидела неподалёку, держа на коленях прозрачную чашу Эхора. Светящийся кристалл внутри неё был погашен солнечными лучами, но всё равно мерцал, если заглянуть глубже.

— Думаешь, ему понравится, если мы поставим чашу здесь? — спросила Верона.

Саэрон отложил побеги.

— Это его подарок. Если тебе удобно здесь, он поймёт. — Я не об этом.

Она провела пальцем по гладкому краю чаши.

— Я не хочу, чтобы она каждый день напоминала ему о том разговоре.

— Возможно, напоминает не сама чаша, — тихо сказал Саэрон.

Верона взглянула на него.

— Ты думаешь, наша дружба закончилась?

— Не знаю. И не хочу решать за него. Ему нужно время.

— А если он больше не придёт?

Саэрон присел рядом.

— Тогда мы будем помнить всё хорошее, что он сделал. Но я всё же надеюсь, что однажды он вернётся.

Верона осторожно поставила чашу на полку. Она долго смотрела на её прозрачные стенки, затем выпрямилась.

— Я хочу увидеть его. Не чтобы изменить его чувства. Просто чтобы он знал: я не желаю ему зла.

— Скажи ему это, если встретишь. Но не заставляй слушать, когда он не готов.

Она кивнула.

В тот миг Эхор стоял за изгородью из цветущих ветвей. Он пришёл сюда сам, хотя всю ночь обещал себе держаться подальше. Услышав голоса друзей, он остановился, собираясь окликнуть их. Но разговор начался прежде, чем он успел выйти. Ему следовало бы услышать в словах Саэрона заботу, а в словах Вероны — желание сохранить дружбу.

Вместо этого он уловил только одно: они говорили о его чувствах вдвоём, а он стоял один.

Эхор отступил и ушёл незамеченным.

Когда-то эти двое делились с ним всеми своими тайнами. Теперь между ними появилась тайна, которую он сам им открыл, и они обсуждали её без него.

Он знал, что имеет на это право не больше, чем имеет право на любовь Вероны. Но знание стало для него тяжёлым грузом, от которого хотелось избавиться.

В сердце сада находился источник, чья вода поднималась прямо из белого камня. Эхор приходил сюда, когда искал покоя. Бог нередко встречал его у источника, и прежде каждое такое свидание возвращало хранителю ясность мыслей.

Сегодня он шёл сюда с иным намерением.

Отец сидел на низком камне и поправлял ветку молодого дерева. Ветвь надломилась под тяжестью плодов, и Он осторожно подвязал её мягким волокном, чтобы она могла расти дальше.

— Ты искал Меня, Эхор, — произнёс Он.

— Да.

Хранитель остановился на противоположном берегу ручья. — Я хочу задать Тебе вопрос. И прошу ответить без притч.

Бог отпустил ветку.

— Спрашивай.

— Почему Ты создал меня раньше них, позволил мне знать Твой сад, доверил мне заботу обо всём живом, но не дал того, что дал Саэрону?

— Чего именно?

— Вероны.

Слово сорвалось прежде, чем Эхор успел подумать. Он видел, как изменилось его собственное дыхание, но не отступил.

— Ты создал её свободной, — продолжил он. — Я слышал это много раз. Но если Ты можешь даровать жизнь, разве не можешь изменить чувство? Разве не можешь сделать так, чтобы она однажды увидела меня иначе?

— Могущественнее ли любовь оттого, что её внушили? — спросил Бог.

Эхор стиснул руки.

— Я просил без притч.

— Тогда отвечу прямо. Я не стану изменять волю Вероны ради твоего желания.

— Значит, Ты можешь, но не хочешь?

— Я могу заставить цветок раскрыться прежде времени, но от этого он не станет счастливее. И могу сделать так, чтобы Верона произнесла слова, которых ждёшь ты. Однако эти слова не будут её выбором. Ты получишь послушание вместо любви.

Эхор отвернулся.

— Но Саэрон получил всё, даже не попросив.

— Он не получил Верону, как получают подарок или владение. Они выбрали друг друга.

— Их выбор уже сделан. Мой никогда не будет услышан.

Бог не стал спорить.

— Твоё желание услышано, сын Мой. Но быть услышанным — не значит получить согласие.

Эхор поднял голову. Слова «сын Мой» прежде всегда согревали его; теперь он услышал в них жалость.

— Тебе легко говорить о свободе, — произнёс он. — Ты никогда не стоял рядом с тем, кого любишь, зная, что он уйдёт к другому.

Бог долго смотрел на него. Не с укором — с такой печалью, что Эхору на мгновение стало стыдно.

— Не всякую боль можно отнять, не отняв вместе с ней свободу, — ответил Он. — Но ни одну из твоих болей Я не оставлял без внимания.

— Тогда помоги мне забыть её.

— Ты хочешь забыть Верону или перестать страдать оттого, что не можешь распоряжаться её выбором?

Эхор промолчал. Капля воды упала с листа и разбилась о поверхность источника. Круги быстро разошлись и исчезли.

— Я не знаю, — признался он наконец.

Бог протянул ему руку через узкий ручей.

— Останься. Не нужно решать всё сейчас. Ты можешь горевать, сердиться, молчать. Ты не обязан превращать свою боль в действие.

Эхор смотрел на протянутую ладонь.

Ему хотелось подойти. Сесть рядом, как прежде, и позволить тишине постепенно рассеять обиду. Он почти сделал шаг.

Но вспомнил Верону, которая произносит имя Саэрона, и собственную беспомощность перед этим простым звуком.

— Я уже слышал твой ответ, Отец.

— И ты свободен уйти. Но помни: голос, который обещает исполнить любое желание, редко рассказывает всю цену.

Эхор отвёл взгляд.

— Значит, Ты знаешь, куда я собираюсь?

— Я вижу дорогу. Но идти по ней будешь ты.

Хранитель не ответил. Он поклонился — почтительно, как всегда, — и ушёл, не коснувшись протянутой руки.

Бог остался у источника. Молодая ветка теперь держалась прямо. Ему не нужно было держать её силой. День выдался ясным. В саду пели птицы, по тропинкам пробегали лёгкие тени облаков. Эхор шёл на запад, к каменистым холмам, и старался не смотреть назад.

Он говорил себе, что всего лишь хочет увидеть дальние земли. Бог никогда не запрещал ему путешествовать. В мире было множество ещё не исследованных мест, и хранитель имел право узнавать их.

Но стоило ему замедлить шаг, как эта мысль рассыпалась.

Он уходил не ради открытий. Он надеялся встретить кого-нибудь, кто скажет, что Верона ошиблась.

К вечеру зелёные склоны остались позади. Деревья здесь росли низкими и искривлёнными. Их листья не шелестели даже тогда, когда Эхор чувствовал ветер на лице. Постепенно исчезли и насекомые, и птицы. Последняя яркая бабочка кружила над цветком у каменного уступа, будто не желала лететь дальше.

Эхор миновал её.

Долина Безмолвия лежала между двумя рядами чёрных скал. Она была широкой, почти ровной, но из-за неподвижного воздуха казалась тесной. В самом её центре темнело озеро без береговой растительности.

Не было видно ни ручья, который в него впадал бы, ни выхода, по которому уходила вода.

Эхор приблизился.

Поверхность озера казалась гладкой, как отполированный камень. Над ним мерцали первые звёзды, но в воде не отражалась ни одна. Эхор наклонился и увидел не своё лицо, а глубокую темноту, словно под водой лежало ночное небо без света.

— Странное место, — прошептал он.

— Ты искал странного, хранитель.

Эхор резко выпрямился.

Голос прозвучал не справа и не слева. Он словно возник внутри паузы между ударами сердца.

— Кто здесь?

— Тот, кто слышит тебя.

— Покажись.

Тёмная поверхность не дрогнула.

— Если бы ты хотел видеть, ты не пришёл бы к воде, которая не отражает лиц.

Эхор оглянулся. Скалы оставались неподвижными.

— Я никого не звал.

— Разве? Трижды ты подходил к нашему порогу мыслями. Вчера пришёл телом. Сегодня остался.

Хранитель почувствовал холод в груди. Сущность знала, что он стоял у входа прошлым вечером.

— Назови себя.

Вместо ответа из глубины донёсся другой голос — более низкий, медленный: — Имена нужны тем, кто боится забыть. Мы помним больше, чем ты способен спросить.

— Вы не из сада, — сказал Эхор.

— Нет.

— Тогда откуда вы?

— Из мест, о которых тебе не рассказывали.

Эхор вспомнил слова Отца: «Не всякий голос, который ты услышишь, будет говорить тебе правду».

Он сделал шаг назад.

Первый голос прозвучал мягче:

— Ты можешь уйти, если боишься.

— Я не боюсь.

— Конечно. Ты хранитель великого сада. Ты существовал раньше тех двоих, кого называют первыми людьми. Ты знаешь все тропы. И всё-таки не знаешь, как добиться одного-единственного взгляда.

Эхор замер.

— Не произноси о ней ни слова.

— О ком? — тихо спросил голос.

Вопрос был нарочито невинным.

Эхор сжал пальцы.

— Вы наблюдали за мной? — Мы слушали то, что ты сам приносил сюда. Тоску, которую прятал от друзей. Вопросы, на которые не получил желаемого ответа.

— Отец ответил мне.

— Да, — согласился второй голос. — Но ответа ты не принял.

Эхор молчал.

Над озером медленно поднимался прозрачный холодный туман. В его складках то и дело возникали образы: две фигуры под деревом, смех Вероны, рука Саэрона на её плече. Эхор поспешно отвёл взгляд.

— Это обман.

— Это твоя память, — ответил первый голос. — Мы ничего в ней не меняли.

— Прекратите.

Образы исчезли.

Некоторое время слышалось лишь дыхание Эхора.

— Мы можем молчать, — сказал низкий голос. — Но тогда тебе придётся вернуться с тем же вопросом, с которым ты пришёл.

Эхор посмотрел в чёрную воду.

— Что вы знаете о Вероне?

С озера донёсся едва различимый звук. Он был похож на довольный вздох, но Эхор решил, что ему показалось. — Она добрая, — сказал первый голос. — Смелая. Любознательная. Её легко растрогать, но трудно заставить поступить против совести.

— Я и без вас это знаю.

— Знаешь ли ты, почему она выбрала Саэрона?

Эхор почувствовал, как напряглись плечи.

— Потому что любит его.

— Мы спрашивали не о том, что она чувствует. Мы спрашивали, почему.

Он вспомнил, как Верона отвечала на похожий вопрос: «Рядом с ним я могу быть самой собой».

— Они были созданы вместе, — произнёс он.

— Значит, её выбор был сделан ещё до того, как она научилась выбирать?

Эхор растерялся.

— Нет. Бог дал им свободу.

— Тогда разве справедливо, что один из них никогда не задумывается, чего желает без другого?

— Они могут жить порознь, если захотят.

— Но захотят ли, пока верят, что друг без друга не станут счастливыми?

Эхор посмотрел на неподвижную воду.

В словах сущности не было прямого призыва причинить зло. Она спрашивала о свободе — о том самом, чему Бог учил первых людей. — Они и так свободны, — ответил он.

— Быть свободным и знать о своей свободе — не всегда одно и то же, — заметил первый голос.

В тумане снова возникло изображение: Саэрон протягивает Вероне руку, она улыбается и следует за ним по тропе.

— Видишь? — спросил голос. — Он делает шаг, и она идёт за ним. Возможно, однажды ей захочется выбрать другую дорогу. Кто знает, позволит ли он?

— Саэрон никогда не удерживал её против воли.

— Пока она никуда не уходила.

Эхор открыл рот, чтобы возразить, но замолчал.

Он вспомнил, сколько раз Верона сама выбирала дорогу, а Саэрон шёл за ней. Вспомнил, как она отправлялась гулять без него. Слова сущности были несправедливы — и всё же она оставила в них щель для сомнения: «а что, если однажды?»

— Почему вы говорите так, будто знаете, что произойдёт? — спросил он.

— Мы знаем не будущее, — ответил низкий голос. — Мы знаем слабости желаний.

— Я не хочу, чтобы они были несчастны.

— Разве ты желаешь им несчастья? — мягко удивилась сущность. — Ты хочешь, чтобы Верона узнала себя отдельно от Саэрона. Чтобы Саэрон тоже понял собственную силу. Возможно, тогда каждый сумеет сделать новый выбор — по-настоящему свободный.

Эхор опустил глаза.

Ему было приятно слышать о свободе. Он мог представить, что не предаёт друзей, а помогает им стать самостоятельнее.

Но в глубине души он знал: если Верона и после этого выберет Саэрона, ему станет ещё больнее.

— А если она всё равно не полюбит меня? — спросил он.

Первый голос не ответил сразу.

— Ни один выбор нельзя обещать заранее. Разве ты не пришёл именно потому, что устал от чужих обещаний?

Эхор подумал о Боге. Тот не обещал ему любви Вероны. Напротив, честно отказался подчинить её волю. Но рядом с чёрной водой эта честность вдруг показалась холодностью.

— Тогда какой от вас толк?

— Мы можем подсказать, как услышать правду, которую они скрывают даже от себя.

— Каким образом?

— Сначала перестань спорить с каждым их словом, — произнёс низкий голос. — Доверься тому, что замечаешь. Присмотрись, кто из них хочет вести, а кто — следовать. Кто первым просит прощения. Кто уступает, чтобы избежать ссоры. В самом маленьком движении живёт желание быть выше. Эхор нахмурился.

— Они уступают из любви.

— Быть может, — легко согласился первый голос. — Только откуда ты знаешь, что другой не воспринимает уступку как слабость?

Эхор вспомнил прошлые дни: как Саэрон менял планы ради Вероны, как Верона помогала ему исправлять ошибки. Раньше эти воспоминания радовали. Теперь голос предлагал иное объяснение — и от самой возможности такого объяснения становилось не по себе.

— Вы хотите, чтобы я поссорил их?

— Мы хотим, чтобы ты перестал считать их счастье неприкосновенным, — ответила сущность. — То, что кажется совершенным, тоже может ошибаться. Задавай вопросы. Пусть они сами решат, что услышать.

— А если мои вопросы причинят им боль?

— Правда иногда причиняет боль, хранитель.

Эхор застыл.

Он ещё не услышал ни одного прямого приказа солгать. Но всё, что говорили голоса, вело его к одной мысли: в доверии Саэрона и Вероны нужно найти трещину.

И впервые эта мысль показалась ему не страшной, а осуществимой.

— Почему вы хотите мне помочь? — спросил Эхор. Над озером повисла пауза.

— Ты долго был один, — произнёс первый голос. — Разве одинокому не нужен совет?

— Это не ответ.

— Хорошо. Ты хранитель сада. Ты видел рождение первых людей. Через тебя мы можем лучше понять их природу. Мы даём знание тебе; ты делишься с нами знанием о них. Разве это несправедливо?

Эхор насторожился.

— Вы хотите узнать о Саэроне и Вероне?

— О том, как устроено их единство. Почему двое способны жить, не чувствуя разделённости. И что случится, если каждый впервые увидит себя отдельным.

— Вы говорите как исследователи.

— Разве исследование — преступление?

Эхор не нашёлся, что ответить.

Вокруг озера стало ещё холоднее. Он заметил, что небо над долиной потемнело, хотя на востоке ещё должен был оставаться свет.

— Если я выслушаю ваш совет, вы оставите моих друзей в покое?

— Мы не можем ступить в их сад, — ответил низкий голос. — И не можем вложить слово в их уста.

Эхор почувствовал облегчение.

— Значит, вы не способны им навредить. — Мы можем только говорить с тем, кто приходит к нам добровольно.

Это было правдой, но Эхор не заметил, чего голос не произнёс: иногда слова, однажды услышанные, продолжают жить далеко от того, кто их сказал.

— Тогда почему здесь не отражаются звёзды? — спросил хранитель.

— Потому что вода хранит то, что ещё не увидело света.

— Не понимаю.

— Не всякое знание приходит вовремя.

Похоже, даже загадочные собеседники умели уклоняться от ответов. Но Эхору уже хотелось верить, что их молчание означает мудрость, а не хитрость.

— Возвращайся завтра, — сказал первый голос. — Подумай над нашим разговором. Мы не требуем решения сейчас.

Он отступил на шаг.

— И всё?

— Не совсем. Если захочешь продолжить, принеси нам один зелёный лист с дерева, у которого два ствола.

Эхор резко поднял голову.

— Откуда вы знаете о дереве?

— Ты любишь этот сад. Ты помнишь его образ даже здесь. А дерево, растущее из одного корня двумя стволами, невозможно не заметить в твоей памяти. Он подумал о том, как легко вода показывала ему сцены с Вероной и Саэроном.

— Зачем вам лист?

— Чтобы понять, что видишь ты. Ты просишь совета о связи двух сердец, а мы знаем о ней лишь с твоих слов. Принеси знак того, что называешь единством. Тогда сможем говорить точнее.

— Это дерево создано Богом.

— Как и всё, что ты видишь, — спокойно ответил голос. — Мы просим лишь лист, Эхор. Не дерево. Не корень. Не сердце Вероны.

Последние слова были произнесены почти ласково.

Он долго смотрел на озеро.

— Я подумаю.

— Разумеется. Решать тебе.

Туман растаял. Долина снова стала пустой.

Эхор остался на берегу ещё ненадолго. Затем повернулся и пошёл к саду.

Ни одна из сущностей не назвала себя. Ни одна не объяснила, почему именно лист древнего дерева нужен для обычного совета.

Но Эхор унёс с собой не эти вопросы.

Он унёс надежду, что ещё существует путь к сердцу Вероны. Ночь застала его у границы сада. Здесь запахи вернулись: влажная земля, цветущие кусты, тёплая кора деревьев. Птицы шевелились в ветвях, устраиваясь на ночлег. Всё живое будто узнавало хранителя и радовалось его возвращению.

Эхор остановился у первого большого дерева и положил ладонь на ствол.

Как просто было бы повернуть назад. Забыть долину, её неподвижную воду и слова, которые становились опаснее с каждой минутой.

Но вместе с этой мыслью пришла другая: «Тебе не запрещали задавать вопросы».

Действительно, Бог учил его наблюдать и размышлять. Разве он не вправе узнать ещё одну точку зрения? Разве друг, который ищет совет, непременно становится предателем?

Убедив себя в этом, Эхор пошёл дальше.

У беседки горел слабый свет прозрачной чаши. Он видел сквозь ветви Верону: она сидела на скамье, держа в руках маленькую деревянную фигурку дерева с двумя стволами. Саэрон устроился рядом, но не мешал её молчанию.

Эхор хотел пройти мимо. Однако Верона заметила его первой.

— Эхор!

Он остановился. Она вышла на тропу. Саэрон последовал за ней, но держался чуть поодаль, словно желал дать им возможность поговорить.

— Мы тебя искали, — сказала Верона.

Эхор горько улыбнулся.

— Теперь нашёлся.

— Я волновалась. Ты куда-то уходил?

— Ходил далеко, к западным холмам.

Верона внимательно посмотрела на него.

— Ты выглядишь уставшим.

— Мне нужно время.

— Я понимаю, — ответила она. — Я только хотела сказать... Я не жалею, что ты доверил мне свои чувства. И не хочу, чтобы тебе казалось, будто теперь ты стал для нас чужим.

Эхор почувствовал, как знакомая боль подступает к горлу.

— Но я и не стал для вас ближе.

Она не отвернулась.

— Эхор, я не могу стать ближе так, как ты просишь. Но это не значит, что всё, что было между нами, стало неправдой.

Саэрон подошёл. — Если захочешь, завтра можем отправиться к высоким скалам. Как раньше. Без разговоров, которые тебе сейчас тяжело вести.

Оба смотрели на него без упрёка. Саэрон не пытался показать своё превосходство. Верона не стыдила его за признание.

На одно мгновение Эхору захотелось ответить согласием.

Он вспомнил, как втроём они строили беседку, как смеялись у ручья, как Верона поправляла сломанное крыло птицы. Всё ещё могло остаться частью его жизни.

Но из памяти поднялись слова с чёрного озера: «Кто уступает, чтобы избежать ссоры? Кто первым просит прощения?»

И забота друзей неожиданно приобрела другой оттенок. Ему показалось, что его утешают, потому что считают слабым.

— Вы оба очень добры, — произнёс он. — Только не нужно решать, какая жизнь сделает меня счастливым.

Саэрон растерялся.

— Мы и не решаем.

— Тогда позвольте мне самому выбрать, куда идти.

— Конечно, — тихо сказала Верона.

Эхор кивнул и пошёл дальше.

За спиной никто не окликнул его. От этого ему стало ещё тяжелее. Дерево с двумя стволами росло в самом сердце сада.

Эхор знал его с той поры, когда Саэрон и Верона ещё не появились на земле. Он помнил, как постепенно тянулись вверх обе молодые ветви, как крепли стволы и соединялись кроны. Всё здесь свидетельствовало не о борьбе, а о соседстве: два разных ствола питались от одного корня, не заглушая друг друга.

Нынешней ночью лунный свет лежал на коре тонкими серебряными полосами. Эхор обошёл дерево, пытаясь разглядеть лист, который можно было бы взять без вреда.

На земле не оказалось ни одного опавшего листа.

Он нахмурился. У древнего дерева не было обычной осени. Его крона обновлялась незаметно, и каждый лист держался на ветви до тех пор, пока жизнь не переходила в новый побег.

«Один лист, — повторил Эхор про себя. — Не дерево. Не корень».

Он потянулся к нижней ветке, но остановился.

Отчего ему нужно это делать тайком?

Если бы Бог сейчас появился рядом, Эхор сумел бы объяснить свой поступок? Сказал бы: «Я ищу совет у тех, чьи имена мне неизвестны, потому что Ты не дал мне желаемого ответа»?

Его рука опустилась.

— Ты пришёл ко Мне? — раздался голос за спиной.

Эхор резко обернулся. Никого не было.

Он прислушался и понял, что голос прозвучал не снаружи. Это было воспоминание об Отце, о протянутой через ручей ладони.

Ему стало стыдно.

Он мог остановиться прямо сейчас. Ему не требовалось ничьё разрешение, чтобы уйти из долины навсегда.

Но Эхор уже представил, как снова вернётся к прежним дням: Верона будет улыбаться Саэрону, Саэрон строить для неё новые подарки, а ему останется учиться радоваться чужому счастью.

Он не хотел учиться. Он хотел изменить всё.

Эхор протянул руку и сорвал небольшой зелёный лист.

Тот отделился почти без звука.

Ни гром не раздался, ни земля не дрогнула. Сад остался прекрасным и спокойным. Лишь тонкая капля прозрачного сока выступила на месте среза.

Эхор посмотрел на неё и неожиданно вспомнил птицу с повреждённым крылом. Тогда он говорил Вероне, что боль пройдёт, если помочь живому восстановиться.

Теперь же он сам причинил маленькую, ненужную боль ради того, чтобы получить ответ.

Он коснулся среза кончиком пальца.

— Это всего лишь лист, — прошептал он.

Но его собственный голос прозвучал неубедительно. Лист был тонким, тёплым и удивительно прочным. Две главные жилки шли от одного основания, расходились по краям и снова встречались у острия. Эхор сжал его в ладони, стараясь не повредить.

Он ещё мог вернуть лист к дереву. Попросить у Отца помощи. Рассказать, какие голоса услышал у чёрной воды.

Вместо этого Эхор спрятал лист под одеждой и направился к западным холмам.

За его спиной на ветви осталась маленькая светлая ранка.

Она не разрушила дерево.

Но впервые за долгую вечность хранитель ушёл из сада, взяв с собой нечто, что не предназначалось для чужих рук.

До Долины Безмолвия он добрался незадолго до рассвета. Здесь всё ещё царила ночь, хотя за скалами небо должно было уже светлеть.

Чёрное озеро встретило его неподвижностью.

Эхор остановился на том самом месте, где накануне слышал голоса.

— Я вернулся.

Молчание.

Он положил ладонь на грудь поверх спрятанного листа. — Вы слышите меня?

Сначала вода оставалась гладкой. Затем из глубины медленно поднялся один круг, за ним другой, третий.

— Мы знали, что ты придёшь, — произнёс первый голос.

— Я принёс то, о чём вы просили.

— Покажи.

Эхор разжал пальцы. Зелёный лист лежал на ладони, словно маленькая живая ладья.

— И теперь вы скажете мне, как помочь Вероне понять, что Саэрон ей не нужен?

Это прозвучало гораздо прямее, чем он собирался.

Ответ пришёл не сразу.

— Мы поможем каждому из них понять, что он может быть счастлив сам, — мягко поправил голос. — Не торопись объявлять цель победой над другим.

Эхор благодарно выдохнул. Он даже не заметил, что сущность придала его желанию более благородное звучание.

— Что мне делать с листом?

— Отпусти его на воду.

— Он не утонет?

— Разве лист умеет тонуть по собственной воле?

Вопрос показался Эхору нелепым. Он подошёл к кромке озера и осторожно положил лист на поверхность. Тот не поплыл.

Вода разошлась под ним тонким чёрным кольцом, затем сомкнулась. Зелень на мгновение вспыхнула мягким золотистым светом — таким же, какой Эхор видел в райском саду на рассвете.

И погасла.

Лист исчез в глубине.

— Что это было? — спросил Эхор.

— Теперь мы лучше понимаем, о какой связи ты говорил, — ответил низкий голос.

— Я хочу знать, когда смогу вернуться за советом.

— Скоро. Ты услышишь нас, когда снова позволишь себе задать вопрос.

— И вы не причините им вреда?

— Мы не можем заставить их сделать выбор, Эхор. Запомни это. Ты не можешь заставить Верону полюбить тебя. Мы не можем заставить Саэрона отказаться от неё. Каждый сам должен решить, кому верить.

Эхор кивнул. Это звучало почти так же, как наставления Отца.

Но была разница, которой он не заметил.

Отец говорил о свободе, чтобы Эхор перестал требовать чужого сердца.

Эти голоса говорили о свободе, чтобы Эхор научился разрушать доверие, не беря на себя ответственности за последствия. — Тогда я пойду, — произнёс он.

— Возвращайся к друзьям, хранитель. Будь им близок, как прежде. Слушай внимательно. И помни: тому, кому доверяют, не нужно повышать голос, чтобы быть услышанным.

Эхор поклонился невидимым собеседникам. Он не заметил, что повторил тот самый почтительный жест, с которым всегда обращался к Богу.

Когда он уходил, ему казалось, будто тяжесть в груди стала меньше.

Он нашёл тех, кто готов был помогать ему.

Оставалось лишь научиться пользоваться их советами.

Лишь когда шаги Эхора затихли за скалами, гладкая поверхность озера изменилась.

Там, где исчез зелёный лист, проступило тонкое золотое свечение. Оно не поднималось к небу, а уходило в глубину, словно луч света попал в воду, которая не умела его отражать.

— Он не знает, что принёс, — произнёс низкий голос.

— И не должен узнать, — ответил другой.

— Этого достаточно?

— Чтобы слышать дыхание сада — да. Чтобы войти в него — нет.

На дне что-то едва заметно шевельнулось. — Пока они вместе, граница удержится.

— Тогда пусть каждый услышит из уст друга то, чего больше всего боится услышать от любимого.

— А хранитель?

— Он уверен, что ищет любовь. Такие идут далеко, если позволяют себе назвать жадность надеждой.

Вода снова стала неподвижной.

Над Долиной Безмолвия медленно светало. За её пределами просыпался сад, где Саэрон и Верона ещё доверяли друг другу, а Бог по-прежнему оставлял каждому право выбирать свой путь.

Первая ложь между любящими ещё не была произнесена.

Но тот, кто должен был беречь их, уже принёс чужой тьме ключ к их дому.

Конец третьей главы.

ГЛАВА 4

Семена лжи

Первое, что Эхор заметил, вернувшись в сад, было пение птиц.

После Долины Безмолвия оно казалось почти оглушительным. В прозрачном воздухе звенели голоса, где-то под корнями дерева бежала вода, а высокие травы склонялись навстречу ветру. Всё это было знакомо ему с первых дней сотворения. Но теперь он слушал сад так, словно успел побывать в другом мире и принёс оттуда нечто чужое.

Эхор остановился у ручья и опустил ладони в воду.

На пальцах не осталось следов от чёрного озера. Вода была прохладной, чистой, с солнечными бликами на дне. И всё же ему казалось, что между пальцами до сих пор скользит зелёный лист с дерева двух стволов.

Он отдал его незнакомым голосам. Всего лишь лист. Даже не целую ветвь.

Но зачем тем, кто живёт среди голых скал, понадобилась живая часть сада?

Эхор вспомнил свой вопрос и ответ, который получил: «Не всякое знание приходит вовремя».

Раньше он не потерпел бы такой уклончивости. Теперь ему хотелось считать её признаком мудрости.

«Возвращайся к друзьям, — сказали голоса. — Будь им близок, как прежде». Он выпрямился, стряхнул с рук капли и направился к озеру, где стояла беседка.

На полпути ему встретился Саэрон.

Тот нёс охапку тонких ветвей и, увидев друга, остановился так резко, что несколько веток упали на траву.

— Эхор! — обрадовался он. — Верона говорила, что видела тебя вчера, но сегодня мы снова не могли тебя найти.

— Мне нужно было побыть одному.

— Я понимаю.

Саэрон наклонился за ветвями. Эхор поспешил помочь.

— Ты всё ещё сердишься на меня? — спросил хранитель.

Саэрон поднял глаза.

— За что?

— За то, что я сказал Вероне о своих чувствах.

Саэрон долго молчал. Эхор успел почувствовать тревогу, хотя сам и задал этот вопрос с определённым расчётом: хотел убедиться, насколько легко ему снова откроют дверь.

— Я не стану делать вид, что мне было всё равно, — наконец ответил Саэрон. — Но ты не скрыл от неё правду. Она ответила тебе честно. Мне хотелось бы, чтобы мы трое сумели жить дальше, не оборачивая случившееся в обиду.

Всё было именно так, как говорил Саэрон. Без высокомерия. Без торжества победителя.

И от этого Эхору стало не легче, а тяжелее.

— Я поступил неразумно, — произнёс он. — Мне казалось, что мои чувства дают мне право на надежду.

— Надежда не делает тебя виноватым.

— Но я позволил ей стать требованием.

Саэрон положил последнюю ветвь на охапку.

— Хорошо, что ты это понял.

Эхор опустил взгляд.

Он произнёс слова, похожие на правду. Только не сказал, что вновь отправился за советом к чужим голосам, и не рассказал о листе, оставленном на чёрной воде.

Саэрон улыбнулся и протянул ему свободную руку.

— Пойдём. Верона будет рада.

Эхор взял его за руку.

Его друг снова доверял ему. Для этого оказалось достаточно нескольких спокойных фраз.

• • • Верона сидела на земле возле беседки и пересаживала душистые травы в небольшой круг из гладких камней. Рядом на скамье стояла прозрачная чаша со светящимся кристаллом — та самая, которую Саэрон и Верона зажигали по вечерам.

Услышав шаги, она подняла голову.

— Эхор!

Она обрадовалась, но не бросилась навстречу. После недавнего признания между ними оставалась осторожность, и Эхор заметил её сразу.

— Я хотел поговорить с тобой, — сказал он.

Верона отложила маленькую лопатку, сделанную из широкого обломка раковины.

Саэрон поставил ветви возле беседки.

— Я буду у воды, — произнёс он. — Позовите, если понадоблюсь.

Он отошёл, не требуя знать каждое слово их разговора.

Верона посмотрела на Эхора.

— Слушаю тебя.

— Я был несправедлив к тебе. Когда ты сказала, что любишь Саэрона, я услышал не твою правду, а только собственную боль. Мне стыдно, что я заставил тебя переживать за меня.

Она смягчилась. — Я не хотела, чтобы ты страдал.

— Знаю. И не хочу, чтобы моя обида разрушила нашу дружбу.

Верона немного помолчала.

— Ты мне дорог, Эхор. Но я не смогу быть для тебя кем-то иным. Мне важно, чтобы ты это понимал.

Он кивнул.

— Понимаю.

И почти поверил себе.

Верона улыбнулась. Эхор увидел, как исчезает напряжение с её лица, и на мгновение ощутил прежнюю радость: он снова мог находиться рядом, слышать её голос, быть тем, кого она зовёт по имени.

— Ты поможешь мне? — спросила она, протягивая маленький кустик. — У меня не получается расправить его корни.

Эхор присел рядом.

Работа была простой. Они бережно разделили тонкие корешки, полили землю и выложили вокруг растения несколько светлых камней.

Когда всё было закончено, Верона села на пятки и довольно посмотрела на грядку.

— Хорошо, что ты вернулся. Эхор не ответил. Его взгляд скользнул к Саэрону, который чинил деревянный настил у берега.

«Слушай внимательно», — вспомнил он.

— Ты всегда оставляешь Саэрону самую тяжёлую работу? — спросил Эхор как бы невзначай.

Верона удивилась.

— Нет. Он сам захотел укрепить настил.

— Разумеется. Я лишь заметил, как он любит решать, что следует делать первым.

— Сегодня мы сами распределили дела.

— Значит, вам легко договариваться.

— Очень легко, — ответила Верона и, подумав, добавила: — Почти всегда.

Эхор улыбнулся.

Он не стал продолжать. Даже несуществующей трещине нужно время, чтобы появиться в сознании того, кто привык видеть цельное.

• • •

В следующие дни Эхор часто приходил к беседке.

Он снова сопровождал друзей на прогулках, помогал им собирать плоды, показывал новые тропы. Когда Саэрон рассказывал о дальних холмах, Эхор слушал с искренним вниманием. Когда Верона задумчиво подбирала камни для украшения берега, он находил среди них самые необычные.

Иногда случались минуты, в которые он почти забывал о своей тайне.

Однажды все трое устроили состязание: кто сможет перенести больше воды в больших листьях, не расплескав её по дороге. Саэрон выбрал самый широкий лист, но тот разорвался посередине пути. Верона смеялась так заразительно, что сама пролила всю воду, а Эхор, слишком увлечённый собственным успехом, наступил в мелкую лужу и упал на колени.

Они смеялись втроём.

Это было простое счастье, не требовавшее ничьего поражения.

Эхор возвращался домой с улыбкой. А потом вспоминал чёрное озеро, и радость превращалась в мучительный вопрос: зачем он продолжает делать то, чему его учили голоса?

Он отвечал себе, что пока ничего дурного не сделал.

Немного наблюдал. Немного спрашивал. Помогал друзьям лучше понять себя.

Так объяснялось всё, кроме одной вещи: он никогда не задавал им своих вопросов в присутствии друг друга.

С Вероной Эхор говорил, когда Саэрон уходил к дальним склонам. С Саэроном — когда Верона занималась садом или помогала раненым птицам. Каждый разговор походил на доверительный. Каждый оставлял после себя маленькую недосказанность.

Как-то утром Верона рассказала, что хочет отправиться на восточный луг, где появились новые цветы. Саэрон в это время собирался проверить старую тропу у водопада.

— Мы пойдём туда завтра, — сказала она. — Сегодня он давно обещал показать мне каменную арку.

Эхор покачал головой.

— Ты всё время откладываешь свои желания ради его замыслов.

— Я сама хочу увидеть арку.

— Конечно. Но ты ведь первой заговорила о цветах.

— Разве нельзя хотеть двух вещей одновременно?

— Можно, Верона. Я лишь боюсь, что ты привыкнешь ставить его желания раньше своих.

Она нахмурилась.

— Саэрон тоже делает для меня многое.

— Я знаю. Потому и говорю с тобой. Вы оба достойны счастья, только иногда тот, кто уступает чаще, не замечает этого.

Верона хотела возразить, но Эхор уже перевёл разговор на другое. Весь день она не вспоминала его слов. А на следующее утро, когда Саэрон радостно предложил отправиться к водопаду ещё раз, они вдруг вернулись к ней сами.

«А что, если я действительно всегда соглашалась первой?»

Она отогнала мысль. Но на восточный луг пошла одна.

• • •

Саэрон не понял, почему Верона отказалась от совместной прогулки.

Он не обиделся, но удивился. Накануне она сама восхищалась каменной аркой и обещала показать ему место, откуда её лучше видно при восходе солнца.

— Может быть, она устала, — предположил Эхор, когда они вдвоём поднимались по узкой тропе.

— Она сказала, что хочет побыть одна. Ничего плохого в этом нет.

— Конечно. Хорошо, что ты позволяешь ей выбирать.

Саэрон остановился.

— Позволяю?

— Я неверно выразился. Ты не мешаешь ей поступать по-своему.

— Почему я должен мешать? Эхор сорвал тонкий стебель сухой травы и задумчиво повертел в пальцах.

— Иногда тот, кто не возражает, начинает казаться другим слабым. Не тебе ли однажды придётся постоянно идти туда, куда пожелает Верона?

Саэрон рассмеялся.

— Ты говоришь так, словно мы отправляемся на состязание.

— Нет, друг мой. Но даже в самых счастливых отношениях один человек порой незаметно начинает вести другого.

— Если Верона знает путь лучше меня, почему бы мне не пойти за ней?

Эхор посмотрел на него.

— А если она решит, что всегда знает лучше?

Саэрон не ответил сразу.

Вопрос был нелепым. Верона никогда так не говорила. И всё же Эхор произнёс его с такой заботой, будто предупреждал о невидимой яме на дороге.

— Тогда мы поговорим, — наконец сказал Саэрон.

— Разумеется, — согласился Эхор. — Ты всегда умеешь с ней договориться.

Он произнёс эти слова тепло, но Саэрону почему-то почудилась в них насмешка. Они продолжили путь.

На вершине Эхор показал другу редкое растение, способное цвести на голом камне. Саэрон увлёкся находкой и скоро забыл странный разговор.

Но ближе к вечеру, увидев, как Верона решительно выбирает место для нового сада, он неожиданно вспомнил вопрос Эхора.

«А если она решит, что всегда знает лучше?»

Эта мысль ему не понравилась. Ещё меньше понравилось, что он вообще подумал так о Вероне.

• • •

Первый настоящий спор начался из-за мостика.

Саэрон давно собирался перебросить над узкой протокой несколько прочных ветвей. После сильных дождей здесь поднималась вода, и Вероне приходилось обходить берег, чтобы добраться до восточного луга. Мостик должен был сократить дорогу.

Он хотел удивить её, но теперь решил спросить совета.

— Как ты думаешь, — сказал Саэрон, — лучше поставить мост возле старого дуба или чуть дальше, у каменных ступеней?

Верона внимательно осмотрела оба берега.

— У дуба вода глубже. Наверное, лучше у ступеней.

— Там слишком узко. Ветки будут задевать камни. — Тогда их можно укоротить.

— Но ослабнет опора.

— А если укрепить её с другой стороны?

Саэрон улыбнулся.

— Я уже придумал, как сделать у дуба. Думаю, так будет надёжнее.

Верона посмотрела на него.

— Зачем тогда ты спросил моего мнения?

Вопрос прозвучал резче, чем она хотела.

— Потому что хотел его услышать.

— Но ты уже всё решил.

— Я обдумывал это давно. И могу ошибаться.

— Тогда почему отвергаешь каждое моё предложение?

Саэрон отложил ветку.

— Я не отвергаю тебя, Верона. Я спорю о мосте.

Она хотела ответить, но вдруг вспомнила слова Эхора о привычке уступать.

А Саэрону в ту же секунду вспомнился его вопрос: «А если она решит, что всегда знает лучше?»

— Может быть, ты просто хочешь, чтобы мост стоял там, где сказала ты? — спросил Саэрон.

Верона отступила на шаг. — А ты хочешь, чтобы он стоял там, где сказал ты?

Оба замолчали.

Вода спокойно текла под будущим мостом. Солнце освещало ветви. Ничего страшного не произошло, а им обоим внезапно стало неприятно находиться рядом.

Верона первой отвела глаза.

— Строй где хочешь.

— Верона...

— Я пойду к цветам.

Она ушла, не обернувшись.

Саэрон остался возле протоки. Он ещё долго держал в руках ветку, которую собирался положить поперёк воды. Потом опустил её на траву.

Мостик почему-то перестал казаться хорошей идеей.

• • •

Эхор нашёл Верону на восточном лугу.

Она сидела возле цветов и разглядывала землю так внимательно, будто пыталась увидеть что-то под самой её поверхностью.

— Ты плакала? — спросил он.

Верона вздрогнула.

— Нет. Это было почти правдой: слёзы только подступали к глазам, но ещё не пролились.

Эхор сел рядом.

— Что случилось?

— Мы поссорились из-за мостика.

— Из-за мостика?

Она с досадой рассмеялась.

— Да. Мне самой стыдно. Такая пустяковина.

Эхор немного помолчал.

— Иногда дело не в том, из-за чего мы спорим.

Верона подняла голову.

— Что ты имеешь в виду?

— Может быть, тебе было больно оттого, что он спросил твоего совета, а слушать не стал.

— Наверное.

— Я понимаю тебя.

Он произнёс это очень тихо. Верона благодарно выдохнула.

— Но он не хотел меня обидеть, — сказала она. — Просто мы оба упрямились. Эхор мог согласиться. Мог напомнить, сколько раз Саэрон принимал её решения и сколько раз она уступала ему по собственной воле.

Вместо этого он спросил:

— А если такое повторится? Если однажды тебе придётся уступать всякий раз, когда он считает себя правым?

— Он не такой.

— Я тоже верю, что он добр. Но ты должна помнить о собственной ценности, Верона. Ты не обязана становиться меньше, чтобы он чувствовал себя сильнее.

Верона резко повернулась к нему.

— Я никогда не считала себя меньше Саэрона.

— И правильно. Отец создал вас равными.

Эхор произнёс слова Бога, и от этого его собственные намёки сделались почти неуязвимыми.

— Просто не позволяй никому забывать об этом, — добавил он.

Верона долго молчала.

— Я поговорю с ним, — сказала она наконец.

— Конечно. Только не спеши просить прощения за то, что хотела быть услышанной.

Он встал и протянул ей руку. Верона приняла её.

— Спасибо, Эхор. Как хорошо, что я могу поговорить с тобой, когда мы не понимаем друг друга.

На мгновение Эхор ощутил торжество.

И тотчас испугался его.

До сих пор он мечтал, чтобы Верона искала его общества. Теперь она искала его именно потому, что страдала.

Он уже открыл рот, чтобы сказать: «Я сам заставил тебя смотреть на Саэрона с подозрением».

Но Верона доверчиво сжала его ладонь.

— Ты ведь никогда не станешь настраивать нас друг против друга?

Эхору показалось, будто под ногами исчезла земля.

— Нет, — ответил он.

Это была первая прямая ложь, произнесённая им Вероне.

• • •

Саэрон ждал у мостика.

Когда Верона вернулась, он сидел на берегу и растирал в ладонях сухую травинку. Увидев её, поднялся.

— Я хотел пойти за тобой, — сказал он. — Но подумал, что тебе нужно время. — Мне нужно было подумать.

— И мне.

Они стояли друг перед другом, как прежде стояли тысячи раз после маленьких споров, только теперь оба искали слова осторожнее обычного.

— Я не хотел обесценить твой совет, — произнёс Саэрон. — Мне правда казалось, что у дуба будет крепче. Но я не сумел это объяснить.

Верона посмотрела на ветви, сложенные на берегу.

— А я решила, что ты меня не слушаешь. Хотя сама перестала тебя слушать.

Он протянул ей ладонь.

— Пойдём посмотрим оба места ещё раз?

Она улыбнулась.

— Пойдём.

Они обошли протоку с двух сторон, проверили, как глубоко уходят камни под воду, и обнаружили третье место — там, где над течением склонялась старая ива. Корни дерева удерживали берег, а каменные выступы позволяли устроить прочную опору.

— Надо же, — рассмеялся Саэрон. — Ни ты, ни я не предложили этого места.

— Зато мы нашли его вместе.

Он бережно обнял её. Верона прижалась к нему.

— Прости меня.

— И ты меня.

Их обида растаяла так быстро, что оба удивились, как могли всерьёз рассердиться из-за нескольких ветвей.

Позднее, сидя в беседке, Верона сказала:

— Ты помнишь, как Отец объяснил нам, что мы равны?

— Конечно.

— Наверное, я иногда боюсь, что моё мнение окажется неважным.

Саэрон повернулся к ней.

— Мне важно твоё мнение. Даже когда я с ним не согласен.

— И мне твоё.

Они засмеялись, словно вновь узнали простую истину, которую никогда не должны были забывать.

С другой стороны озера Эхор увидел их объятия.

Он понял всё без слов.

Они помирились.

И в эту минуту ему стало ясно: маленьких сомнений недостаточно. Стоит Саэрону и Вероне заговорить друг с другом честно, как его осторожные намёки рассыпаются, словно сухая земля под дождём. Эхор отвернулся.

Вечером он снова отправился к западным холмам.

• • •

Долина Безмолвия встретила его неподвижностью.

Чёрное озеро лежало между скалами, словно в земле вырезали круглое отверстие, ведущее туда, где никогда не бывало солнца.

Эхор подошёл к воде.

— Я вернулся.

На поверхности возник один медленный круг.

— Мы знали, что ты придёшь, хранитель.

— Ваши советы не помогли.

— Неужели?

— Они поссорились, но потом поговорили и снова стали счастливы. Саэрон уступил Вероне. Верона признала свою ошибку. Я не хочу причинять им ещё больше боли, если всё окажется напрасным.

Из глубины донёсся тихий шелест, напоминавший смех.

— Ты считаешь, что проиграл, потому что они простили друг друга?

— А разве нет?

— Нет, Эхор. Ты только узнал, что удерживает их вместе. Он всмотрелся в темноту.

— Что же?

— Они не считают уступку поражением. Не верят, что любовь требует власти. Пока один может сказать «я ошибся», а другой — «я тоже», они сохраняют то, чего ты так желаешь разрушить.

— Я не желаю разрушить их! — воскликнул Эхор. — Я хочу, чтобы Верона увидела, что может быть счастлива со мной.

— Тогда ответь: кто из них главнее?

Эхор нахмурился.

— Никто. Отец создал их равными.

— Именно это и мешает тебе.

— Равенство?

— Их уверенность, что никто не должен побеждать. Преврати её в сомнение. Пусть Саэрон подумает, что всякий раз, уступая Вероне, он становится слабее. А Верона — что всякая уступка Саэрону означает её унижение.

Эхор медленно покачал головой.

— Но это ложь.

— Иногда, — прошептал первый голос, — достаточно сказать человеку о его достоинстве, чтобы он сам превратил его в гордыню. — Что я должен им говорить?

— Саэрону напомни, что он первый мужчина, сильный и способный вести. Спроси, зачем ему слушаться женщину, если он может решать сам.

— А Вероне?

— Скажи, что она прекраснее, тоньше чувствует, мудрее. Что любовь Саэрона должна доказываться послушанием. Каждый захочет получить от другого знак уважения, но перестанет давать его первым.

Эхор представил, как его друзья требуют друг от друга подчинения. Эта картина показалась ему уродливой.

— Отец учил их иному.

— Отец дал им свободу, — ответил низкий голос. — Разве свобода не позволяет каждому самому решить, кто лучше?

Эхор помнил слова Бога: ни один не создан господствовать над другим. Он мог уйти сейчас и больше никогда не возвращаться.

Но голоса уже касались самого болезненного его желания.

— А если Верона поймёт, что Саэрон не достоин её? — спросил он.

— Тогда она придёт к тому, кто сумел услышать её прежде всех.

— Ко мне? Вода не ответила сразу.

— К тому, кому доверяет, — наконец произнесла сущность.

И Эхор предпочёл услышать обещание там, где ему не дали ничего, кроме намёка.

— Но они любят друг друга, — выдохнул он.

— Пусть любят. Нам не нужна их ненависть. Нам нужно, чтобы каждый полюбил собственную правоту больше, чем другого.

Долгое время Эхор смотрел на чёрную воду.

Впервые ему стало страшно не от чужих голосов, а оттого, насколько точно они знали его мысли.

— Но если я сделаю всё, что вы говорите, Верона ведь не пострадает?

— Ты желаешь ей счастья, Эхор?

— Больше всего на свете.

— Тогда позволь ей самой понять, что Саэрон её недостоин.

— А если она будет страдать?

— Разве не ты будешь рядом, чтобы утешить её?

Эхор задумался. Он пришёл сюда за советом, как завоевать любовь Вероны. И даже не заметил, что теперь спрашивал разрешения причинить ей боль.

Он повернулся, собираясь уйти.

— И ещё одно, хранитель, — остановил его низкий голос. — Никогда не говори с ними обоими сразу. Одно и то же слово, произнесённое порознь, может стать двумя разными правдами.

Эхор промолчал.

На обратном пути ему всё время слышалось: «Кто из них главнее?» И впервые он не пытался отогнать этот вопрос.

• • •

Следующим утром Саэрон и Верона вместе работали у нового мостика.

Они смеялись над тем, как долго искали подходящее место, когда оно всё время было перед глазами. Саэрон держал длинную ветвь, а Верона привязывала её к выступающему корню.

Эхор остановился на тропинке.

Вчера ему казалось, что, увидев их примирение, он больше не сможет причинить им боль. Теперь он пришёл с готовыми словами.

— Как красиво у вас получается, — сказал он.

Верона подняла голову.

— Иди к нам!

Эхор помог поднять настил. Когда работа закончилась, Саэрон отправился к ручью за плоскими камнями, чтобы укрепить подходы к мосту.

Эхор остался с Вероной.

— Знаешь, — тихо произнёс он, — ты удивительно терпелива.

— Почему ты так решил? — Не каждый сумел бы так быстро простить человека, который привык считать собственное решение самым верным.

Верона посмотрела на него с недоумением.

— Саэрон признал ошибку. И я признала свою.

— Конечно. Ты всегда стараешься сохранить мир. Но не забывай: ты ничем не хуже его. А в некоторых вещах, возможно, и превосходишь.

— Я не хочу быть лучше Саэрона.

— Разве? А мне кажется, ты гораздо тоньше понимаешь, что необходимо вашему дому.

Верона нахмурилась.

— Почему ты постоянно говоришь так, будто мы соревнуемся?

Впервые она произнесла вслух то, что Эхор надеялся оставить неосознанным.

Он смутился, но быстро улыбнулся.

— Прости. Я лишь восхищаюсь тобой. Не хотел сделать наши разговоры тяжёлыми.

Верона кивнула, однако улыбка её стала сдержаннее.

Когда вернулся Саэрон, она сама подняла один из тяжёлых камней и попросила помочь установить его в нужном месте. Они работали вместе, и на несколько мгновений мир снова сделался простым. Эхор заметил, что Верона дважды взглянула на него, словно хотела что-то спросить, но передумала.

Позднее, когда она ушла за водой, он сказал Саэрону:

— Верона очень гордится тем, что вы нашли место для моста по её совету.

— Мы нашли его вместе.

— Разумеется. Но ей приятно знать, что ты прислушался. Не хотелось бы, чтобы однажды она решила, будто ты обязан соглашаться всегда.

Саэрон медленно положил инструмент на траву.

— Эхор, ты уже говорил мне что-то похожее.

— Потому что забочусь о тебе.

— Я знаю. Но не уверен, что мне нужна такая забота.

Эхор впервые почувствовал подлинный страх: если Саэрон и Верона сравнят его слова, они увидят в них один и тот же скрытый умысел.

Он опустил голову.

— Возможно, я слишком остро воспринимаю всё, что касается вас обоих. Прости.

Саэрон смягчился.

— Ты наш друг. Я только прошу: не заставляй нас подозревать друг друга там, где для этого нет причины.

— Ты прав, — сказал Эхор. И снова не сообщил правду.

• • •

Когда солнце скрылось за горами, Бог пришёл к дереву двух стволов.

На одной из ветвей, где Эхор сорвал лист, оставалась едва заметная светлая полоска. Дерево продолжало расти. Его корни были крепки, крона зелена.

Но на нижней ветке один лист изменил цвет.

Никогда прежде он не желтел.

Бог осторожно коснулся его пальцами.

Лист отделился от ветви и медленно опустился на землю.

В тот же вечер Верона вышла из беседки и увидела, как Саэрон стоит возле воды, глядя на недостроенный мостик.

— О чём ты думаешь? — спросила она.

— О том, как легко можно сказать что-нибудь обидное, даже не желая этого.

— Я тоже об этом думала.

Она встала рядом. Саэрон протянул ей руку, и Верона взяла её.

На мгновение обоим стало спокойно. — Может быть, — произнесла она, — нам нужно просто чаще говорить друг с другом, а не догадываться о мыслях другого.

— Наверное, ты права.

Они стояли молча и смотрели, как над озером поднимаются первые звёзды.

Эхор видел их из-за деревьев.

Он мог выйти, сесть рядом, рассказать о чёрном озере, о листе и голосах, научивших его превращать добрые слова в скрытые упрёки.

Но он остался в тени.

Саэрон и Верона были ещё вместе. Они по-прежнему любили друг друга. Их руки ещё находили друг друга даже после самых неприятных разговоров.

И всё-таки что-то изменилось.

Теперь, прежде чем сказать о своём желании, Верона иногда думала, не уступает ли она слишком часто. А Саэрон, прежде чем согласиться, спрашивал себя, не сочтёт ли кто-нибудь его слабым.

Они ещё не верили этим мыслям окончательно.

Но уже научились слышать их.

Эхор поднял глаза к древнему дереву. Издалека он увидел на земле один бледный лист и почувствовал внезапный холод. Он не знал, отчего лист упал.

Не знал, почему чёрная вода просила его о такой малости.

И не знал, что пока первые люди держатся за руки, незримая граница вокруг сада остаётся целой.

Но впервые за всё время существования дерева один лист опал не потому, что пришла пора обновления.

А потому, что в вечности появилось место для сомнения.

Конец четвёртой главы.

ГЛАВА 5

Гордыня

«Ты слишком часто уступаешь ей, друг мой. Даже не замечаешь этого».

Саэрон тогда только отмахнулся. Но утром, увидев на столе недоделанную чашу, которую Верона просила украсить узором из листьев, вдруг почувствовал раздражение. Почему он всегда должен заканчивать начатое ради неё? Почему её желание важнее его собственного? Он не спросил себя, сколько раз Верона помогала ему. Так было бы неудобно для нового чувства, которое медленно укоренялось в его сердце.

Верона проснулась и улыбнулась.

— Ты уже не спишь? Куда мы сегодня пойдём?

— К северному водопаду, — ответил Саэрон.

— А я думала, мы проведём утро у озера. Помнишь, вчера мы договорились посмотреть, как вылупились птенцы?

— Водопад красивее.

Она удивилась. Раньше он бы спросил, чего хочется ей, или предложил побывать в обоих местах.

— Мы ведь договорились, Саэрон.

— Ты договорилась, — поправил он. — А я согласился, чтобы не спорить.

— Но ты сам сказал, что хочешь посмотреть на птенцов.

— Разве мне нельзя передумать?

— Конечно, можно. Только почему ты говоришь со мной так, словно я мешаю тебе жить?

Он поднялся.

— Вот опять. Стоит мне высказать своё желание, как ты немедленно начинаешь доказывать, что я неправ.

Верона не сразу нашла ответ. Он ушёл к ручью, оставив её сидеть у открытого окна. Ссора была такой незначительной, что раньше они посмеялись бы над ней уже через минуту. Но сегодня каждый бережно хранил свою обиду, словно редкую драгоценность.

✦ ✦ ✦

Эхор встретил Саэрона у старого моста. Хранитель сада казался беззаботным: он поправлял переплетённые ветви ограды и напевал мелодию, известную только ему.

— Ты один? — спросил он.

— Верона осталась дома.

— Вы опять не сошлись во мнениях?

Саэрон нахмурился.

— Почему ты так решил?

— Твоё лицо говорит больше слов. Сад не виноват в том, что ты хмуришься на него.

Саэрон невольно улыбнулся. Эхор умел говорить так, что недовольство казалось почти разумным.

— Я захотел к водопаду. Она — к озеру. И уже из этого вышла целая история.

— Странно. Ты ведь не запрещал ей идти к озеру?

— Нет.

— Тогда почему же должен отказаться от своего выбора?

— Не знаю.

Эхор положил руку ему на плечо.

— Ты первый мужчина, Саэрон. У тебя есть право на собственные желания. Но разве желание чего-то стоит, если всякий раз его приходится приносить в жертву?

— Отец создал нас равными.

— Разумеется, — быстро согласился Эхор. — Равными. Но равенство не означает, что ты должен быть мягче во всём. Если ты умеешь уступать, а Верона принимает это как должное, кто из вас на самом деле управляет вашей жизнью?

Саэрон долго смотрел на воду под мостом. Мысль была несправедлива, и он мог бы это заметить. Но она обещала ему простое объяснение всем недавним огорчениям. Он выбрал поверить ей.

— Наверное, пора перестать уступать, — сказал он.

Эхор не улыбнулся. Настоящую радость он научился прятать.

✦ ✦ ✦

Верона тем временем вышла в сад. Она не любила оставаться в одиночестве после ссоры. Раньше именно Саэрон первым находил её среди деревьев, даже если они оба были неправы. Сегодня она решила не искать его. «Пусть он сам вспомнит обо мне», — подумала она и сразу испытала удовлетворение от собственной твёрдости.

Эхор появился у цветущей арки позже полудня. Он нёс корзину мягких плодов и несколько веточек душистого растения.

— Я думал, ты с Саэроном, — произнёс он.

— А я думала, он уже рассказал тебе обо всём.

— Мы немного беседовали, — осторожно признался Эхор. — Но я не хочу становиться между вами.

Верона посмотрела на друга с благодарностью. Именно такие слова заставляли её доверять ему ещё больше.

— Он стал другим. Будто всё, что мне нравится, кажется ему неправильным.

— Может быть, он просто привык, что ты всегда найдёшь способ его понять.

— Но я тоже хочу быть услышанной.

— И заслуживаешь этого. Верона, ты мудрая и свободная. Никто не вправе решать за тебя.

— Я знаю.

— Тогда почему ты так боишься настоять на своём? Иногда человек начинает ценить другого лишь тогда, когда понимает, что тот не станет склонять голову.

Она молчала. Эхор не сказал прямо, что Верона лучше Саэрона. Ему было достаточно заставить её самой прийти к мысли, что уступить — значит оказаться ниже.

— Я не хочу ему подчиняться, — произнесла она наконец.

— И не должна, — ответил Эхор. — Ты достойна того, чтобы твоё желание было для него самым важным.

Эти два утверждения звучали почти одинаково. Но между ними лежала пропасть, которую Верона пока не заметила.

✦ ✦ ✦

К вечеру Саэрон вернулся с северных склонов. Он принёс гладкий камень с тонкой золотистой полоской. Такие попадались очень редко, и когда-то Верона любила собирать их на берегу. Он уже хотел подарить находку, но вспомнил слова Эхора и остановился.

«Пусть хотя бы раз она сама сделает первый шаг».

Верона встретила его у порога.

— Ты был у водопада?

— Да.

— Красиво там?

— Очень.

— Я рада, — сказала она после паузы. — А птенцы уже вылупились. Я ходила одна.

Ему захотелось спросить, какие они, но в её голосе он услышал укор.

— Вот видишь, — сказал он. — Ты прекрасно справилась без меня.

— Я и не говорила, что не справлюсь.

— Тогда зачем ты делаешь вид, будто я совершил нечто ужасное?

Верона сжала губы.

— Я хотела провести день вместе.

— Вместе — значит по-твоему?

— Нет. Вместе — значит услышать друг друга.

— Ты сама сегодня не захотела меня услышать.

Оба замолчали. Они могли бы сейчас вспомнить, что ссора началась с двух обычных желаний, ни одно из которых не было плохим. Но каждый уже мысленно готовился защищать свою правоту.

Саэрон положил золотистый камень в карман. Верона этого не заметила.

✦ ✦ ✦

В следующие дни они всё чаще спорили о пустяках. Кому первому отправиться на прогулку, где поставить новый стол, кому выбрать тропу через сад. Любой разговор о предпочтениях превращался в испытание: уступит ли другой, признает ли мою значимость?

Эхор появлялся ровно тогда, когда его искали. Саэрону он объяснял, что мужество требует твёрдости. Вероне говорил, что свобода невозможна без признания её исключительности. Он не произносил грубых приказов, не требовал от них ненависти. Он лишь подменял значения слов.

Забота становилась обязанностью. Уступка — поражением. Извинение — признанием низшего положения. Любовь — доказательством превосходства.

Однажды Саэрон строил у берега небольшую лодку. Верона помогала ему подбирать гибкие ветви, пока он не вырвал одну из её рук.

— Эту не надо. Ты опять делаешь неправильно.

— Покажи тогда как, — предложила она.

— Лучше отойди. Я сам.

Верона отступила. Её лицо стало холодным.

— Если тебе так нравится делать всё одному, зачем ты меня позвал?

— Я думал, ты захочешь помочь, а не спорить.

— Значит, помогать — это молча исполнять всё, что ты велишь?

— Я такого не говорил.

— Но именно так ты поступаешь.

Саэрон отбросил ветку.

— Может быть, потому что кто-то из нас должен быть главным!

Слова повисли над водой. Он сам испугался того, как громко они прозвучали. Но отступить означало бы, как ему теперь казалось, потерять лицо.

— Главным? — медленно повторила Верона. — Кто дал тебе это право?

— Я знаю, что делаю.

— А я, по-твоему, нет? Ты считаешь себя лучше меня?

— Я считаю, что не обязан каждый раз тебе уступать!

— А я не обязана подчиняться тебе!

Она ушла, не обернувшись. Саэрон смотрел ей вслед, ожидая, что она вернётся. Верона, скрывшись за деревьями, тоже остановилась — ждала его шагов.

Но ни один не двинулся с места.

✦ ✦ ✦

Эхор нашёл Верону возле Древа с двумя стволами. Она сидела на корнях и держала в руках маленькую деревянную фигурку — давний подарок Саэрона. Одна ветвь у фигурки была неровной. Она проводила пальцем по этой неровности, словно пыталась вспомнить, как всё было раньше.

— Он сказал, что должен быть главным, — проговорила она, не поднимая глаз.

Эхор сел рядом.

— И ты позволила ему так говорить?

— Я ушла.

— Правильно сделала.

Верона крепче сжала фигурку.

— Я не хочу, чтобы он чувствовал себя униженным. Я просто хочу, чтобы он видел во мне равную.

На мгновение у Эхора появилась возможность сказать ей правду: Саэрон тоже хотел быть услышанным, и оба ещё могли поговорить. Но он представил, как Верона снова обнимет Саэрона, и чувство победы оказалось сильнее.

— Равную? — повторил он. — А разве тебя достаточно просто признать равной? Ты умеешь видеть красоту там, где он проходит мимо. Ты терпеливее и тоньше чувствуешь мир. Разве не ты могла бы вести его за собой?

Верона подняла голову.

— Ты думаешь, я мудрее его?

— Разве ты сама этого не чувствуешь?

Она не ответила. Но в тот вечер впервые подумала, что Саэрон должен был бы благодарить судьбу за возможность быть рядом с ней.

Эхор проводил её до дома. Когда она на прощание положила руку ему на плечо, он чуть не задержал эту руку своей.

«Она всё ближе, — думал он. — Нужно лишь немного времени».

Он был так занят своей победой, что не заметил маленького жёлтого листа, медленно опустившегося на тропу позади них.

✦ ✦ ✦

На следующий день Бог позвал Саэрона и Верону к древнему дереву. Оба пришли, но остановились по разные стороны широкого корня. Эхор наблюдал издали, притаившись за колонной цветущих ветвей.

— Дети Мои, — произнёс Бог, — скажите, кого из вас Я создал первым?

— Нас обоих, — ответила Верона.

— Кого из вас Я наделил большей жизнью?

Саэрон покачал головой.

— Никого.

— И кому Я велел склониться перед другим?

Они молчали.

— Никому, — наконец выговорил Саэрон.

Бог посмотрел на них с неизменной нежностью.

— Почему же теперь каждый из вас считает, что любовь должна доказать его превосходство? Вы можете быть разными и оставаться равными. Вы можете спорить, не превращаясь во врагов. И вы вправе любить, не требуя поклонения.

Верона посмотрела на Саэрона. Он выглядел усталым. Вдруг она вспомнила, как однажды он всю ночь сидел возле раненой птицы, чтобы та не боялась одиночества. Она вспомнила его смех и то, как он вырезал для неё маленькое дерево.

Саэрон увидел в её лице прежнюю мягкость. Ему захотелось протянуть ей руку.

— Верона... — начал он.

Она подняла глаза. Ещё одно слово — и всё могло перемениться.

Но Саэрон вспомнил, как она ушла от лодки. Ему показалось, что если он первым попросит прощения, значит признает себя виновным во всём. Он замолчал.

Верона ждала. И когда слова не прозвучали, подумала, что даже перед Отцом Саэрон не хочет признать её правоту.

Бог не заставил их говорить. Он только произнёс:

— Я могу показать вам дорогу друг к другу, дети Мои. Но пройти её вы должны сами.

Они поклонились и ушли разными тропами.

Эхор, стоявший в тени, облегчённо выдохнул. Ещё немного — и Отец снова соединил бы их. Но нет: гордыня сделала за Эхора то, чего он сам никогда не сумел бы добиться силой.

✦ ✦ ✦

Вечером Верона вернулась к дереву одна. Сначала ей показалось, что свет падает на ветви непривычно: между листьями виднелись пустые промежутки. Она подошла ближе и увидела у корней целую россыпь пожелтевших листьев.

В саду никогда не случалось такого. Деревья меняли цвет под лучами заката, но не старели и не теряли жизни.

— Что с тобой? — прошептала Верона, коснувшись коры.

Она долго стояла неподвижно, чувствуя неожиданную тревогу. Потом побежала искать Саэрона.

Он сидел у озера и перебирал ветви недостроенной лодки.

— Саэрон! Наше дерево... с ним что-то происходит.

— Что именно?

— Листья опадают. Много листьев. Ты должен посмотреть.

Он поднял голову, но в её взволнованном голосе ему послышалось требование.

— Сейчас мне надо закончить работу.

— Разве это не может подождать?

— И опять я должен бросить всё, потому что ты так решила?

Она отступила.

— Я пришла не спорить. Мне страшно.

Саэрон услышал эти слова. На короткий миг сердце его сжалось, и он хотел подняться. Но затем, словно защищаясь от собственной нежности, ответил:

— Ты слишком тревожишься из-за пустяков.

Верона опустила руки.

— Для тебя теперь всё, что тревожит меня, пустяк.

Она ушла. Саэрон остался у лодки, но больше не смог связать ни одной ветви.

✦ ✦ ✦

В тот вечер Эхор пришёл к Саэрону сам.

— Верона искала тебя, — сказал он будто между прочим.

— Она нашла меня.

— И вы поговорили?

— Она хотела, чтобы я немедленно бросил работу и пошёл смотреть на дерево.

Эхор с сожалением покачал головой.

— Наверное, ей трудно принять, что у тебя есть дела и желания, не связанные с её просьбами.

Саэрон разжал ладонь. В ней лежал гладкий камень с золотистой полосой — тот самый, что он хотел подарить Вероне несколько дней назад.

— Раньше мы понимали друг друга, — тихо сказал он.

Эхор увидел камень.

— Ты всё ещё готовишь ей подарки?

— Я нашёл его у водопада. Ей нравятся такие.

— Красивый. Но подумай, Саэрон: что изменится, если ты снова первым протянешь руку? Она решит, что ты всегда будешь возвращаться, какую бы боль она ни причинила.

Саэрон долго смотрел на камень. Потом убрал его в небольшой ящик, где хранил инструменты.

— Пусть на этот раз она придёт сама.

Эхор кивнул, словно услышал мудрое решение.

✦ ✦ ✦

Ночью ни Саэрон, ни Верона не вернулись в их общее жилище. Он остался у озера, она — под навесом возле Древа с двумя стволами. Не потому, что им было лучше порознь, а потому, что каждый считал первый шаг унижением.

Саэрон несколько раз вставал, собираясь пойти к ней. Ему виделось, как Верона спит, подложив ладонь под щёку, и он почти слышал её голос. Но он снова садился и шептал: «Пусть придёт сама».

Верона смотрела на пустую тропинку. Она тоже могла встать, пройти до озера и сказать: «Мне страшно терять тебя». Вместо этого повторяла: «Если любит — придёт».

А над ней с дерева падали листья.

К утру у корней лежало столько жёлтой листвы, что сквозь неё почти не виднелась земля. Крона ещё оставалась живой, но теперь в ней проступали большие просветы, будто само небо понемногу проходило сквозь дерево.

Эхор увидел это на рассвете. Впервые ему стало не по себе. Он не связывал беду с собой: он убеждал себя, что дерево просто отражает перемены, которые должны были наступить.

Но его тревожил вопрос, на который не отвечали ни Саэрон, ни Верона: почему в саду, где ничто не знало смерти, листья вдруг стали умирать?

✦ ✦ ✦

В Долине Безмолвия чёрная вода встретила Эхора неподвижным блеском. Он подошёл к берегу и увидел своё лицо — расплывчатое, словно чужое.

— Вы здесь? — спросил он.

— Мы всегда слышим тебя, хранитель.

— Дерево в саду теряет листья.

— Ты принёс нам добрую весть.

Эхор вздрогнул.

— Добрую? Оно увядает.

— Иногда старому необходимо уступить место новому.

— Но в нашем саду ничто не увядает.

Голос замолчал, будто взвешивал каждое слово.

— Разве не перемен ты желал? Разве не хотел, чтобы Верона увидела, кто достоин её любви?

— Хотел. Но при чём здесь дерево?

— Оно лишь следует за переменами в сердцах. Не бойся того, что уходит. Думай о том, что получишь.

Эхор представил Верону, приходящую к нему после последней ссоры. Представил, как она скажет, что больше не желает жить с Саэроном. Как посмотрит на Эхора не как на друга, а как на единственного, кто всегда её понимал.

Он почувствовал, что тревога отступает.

— Они всё ещё любят друг друга, — сказал он.

— Тогда позволь их гордыне говорить громче любви.

— И когда она останется одна?

— Будь рядом. Напомни, кто никогда не отворачивался от неё. Но прежде каждый должен убедиться, что другой считает себя выше.

Эхор медленно кивнул.

— Я сделаю это.

— Ты уже близок к желаемому.

Когда он ушёл, над водой прокатился другой, более глубокий голос:

— Он спрашивал о дереве?

— Да.

— Догадался?

— Нет. Он видит только женщину.

— А корни?

— Они слабеют. Но ещё держат свет.

Тёмная поверхность озера дрогнула, и всё снова стихло.

✦ ✦ ✦

Эхор возвращался в сад с уверенностью человека, который нашёл верную дорогу. Он ещё называл себя другом Саэрона и Вероны. Ещё уверял себя, что желает Вероне счастья. Но под счастьем всё чаще понимал её будущую благодарность ему, её близость, её любовь.

На границе сада он встретил Бога. Создатель стоял возле узкой тропы, не преграждая ему путь.

— Ты далеко ходил, Эхор.

— Мне нужно было подумать.

— И что подсказали тебе твои мысли?

— Что каждый должен знать себе цену.

— Цена и достоинство — не одно и то же, дитя Моё.

Эхор выпрямился.

— Может быть, Ты просто не хочешь, чтобы кто-нибудь из них стал сильнее другого.

— Их сила никогда не заключалась в превосходстве.

— Ты всегда говоришь одно и то же, Отец.

— Потому что ты всё ещё можешь услышать.

Эхор отвёл взгляд. Его обожгло желание рассказать обо всём: о чёрной воде, голосах, обещаниях. Но он не хотел услышать, что путь к Вероне лежит не там, где ему обещали. И поэтому предпочёл молчать.

— Я устал от наставлений, — сказал он.

Бог не ответил упрёком.

— Ты волен идти, Эхор. Но каждый твой выбор оставляет след — не только в твоей душе.

Эхор пошёл дальше и ни разу не оглянулся.

Внизу, среди деревьев, Саэрон и Верона находились всего в нескольких минутах ходьбы друг от друга. Оба думали о встрече. Оба скучали. И оба ждали, что первым уступит другой.

А у Древа с двумя стволами ветер поднял с земли сухую листву и закружил её над тропинкой, по которой когда-то они всегда ходили вместе.

Но гордыня уже училась говорить их голосами.

ГЛАВА 6

Разделённая вечность

В ту ночь сад впервые показался Вероне слишком большим.

Ещё вчера в каждой тропинке жило воспоминание о Саэроне. Здесь он однажды поймал сорвавшийся с дерева плод, там учился различать пение птиц, а возле ручья долго спорил с нею о том, может ли вода когда-нибудь устать от движения. Теперь всё осталось на своих местах, но словно утратило голос.

Она проснулась раньше рассвета и протянула руку туда, где обычно лежал Саэрон. Пальцы коснулись пустой прохладной постели. Верона не сразу открыла глаза. Ей показалось, что он просто ушёл встретить утро и скоро вернётся — растрёпанный, улыбчивый, с каким-нибудь нелепым подарком из леса.

Но она вспомнила вчерашние слова. Вспомнила, как он отвернулся, когда она попросила не решать за неё. Как сама произнесла то, чего раньше не сказала бы даже в шутку.

— Пусть придёт первым, — прошептала Верона.

Она села, прислушиваясь к звукам за дверью. Никто не приближался.

Саэрон тоже не спал. Он провёл ночь возле озера, под навесом из ивовых ветвей, и теперь смотрел, как серое небо начинает светлеть. В глубине души он уже несколько раз собирался встать и пойти домой. Но стоило ему представить, что Верона встретит его холодным взглядом, как на смену тоске приходило упрямство.

«Почему именно я должен просить прощения? — думал он. — Разве она не сказала, что ей лучше без моих советов?»

Он не замечал, что сам мысленно повторял чужие слова, услышанные от Эхора. Нужда в близости казалась ему признаком поражения, хотя ещё совсем недавно он без стыда говорил Вероне, что нуждается в ней.

На поверхности озера дрогнуло отражение двух облаков. Саэрон поднялся. Он сделал несколько шагов по тропе к дому, остановился и повернул обратно.

— До вечера, — сказал он пустому берегу. — Если захочет, найдёт меня сама.

✦ ✦ ✦

Эхор наблюдал за двумя дорогами с холма. Одну пересекала Верона, другую — Саэрон. Ещё недавно они непременно встретились бы у дерева с двумя стволами, даже не договариваясь. Теперь каждый выбирал тропинку, по которой не шёл другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.